
ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 2

ФЕВРАЛЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Призыв Патриарха Московского и всея Руси Алексия в защиту мира	3
--	---

Церковная жизнь

Историческое заседание Священного Синода	4
Выписка из журнала заседаний Священного Синода	22

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Ночь и день	23
---	----

Статьи

Проф. Б. И. Сагарда. Место устной традиции в истории развития древнецерковной мысли (Окончание)	27
Георгий Александров. Пламенный призыв	34
Проф. С. В. Троицкий. Великое преступление	37
Протоиерей Замбрыцкий „Домой“	44

Из жизни наших епархий

Из Иркутской епархии	46
Из Горьковской епархии	47
Из Пензенской епархии	48

Издатель: МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	Редактор: РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ
---	---

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову—Москва, 48, Б. Пироговская ул., д. 2, (б. Новодевичий мон.), Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

ПРИЗЫВ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ В ЗАЩИТУ МИРА

Православная Русская Церковь с удовлетворением встретила предложение Международного Комитета связи деятелей культуры в защиту мира о созыве Всемирного конгресса сторонников мира и горячо поддерживает и благословляет этот призыв.

Пережив грозную бурю войны, принесшей столько бед, страданий и неисчислимых скорбей нашему народу, когда раны войны еще не зажили в сердцах бесчисленных жен, матерей, отцов и братьев; когда кровью своей русский народ напоил не только свою землю, но ради спасения от вражеского рабства, и многие земли во всех концах света — от моря и до моря, — наш народ с отращением вспоминает о войне, и самое слово: война и соединенное с ним понятие — ему ненавистны.

Православная Церковь Христова, проповедующая мир и взаимную любовь, со скорбью взирает на то, как на политическом горизонте вырисовываются грозные очертания надвигающейся новой бури, новой войны, еще более жестокой, чем та, от которой еще сочатся раны, на открытую в некоторых странах проповедь и подготовку к войне, и призывает всех, кому дорог мир, поддержать стремление к объединению ради общей защиты мира.

Нам особенно дорог этот раздавшийся призыв к объединению, так как он созвучен тому обращению к христианам всего мира, с каким обратилось созданное нами в Москве в июле минувшего года Совещание Глав и Представителей Православных Автокефальных Церквей и в котором мы горячо обращались «ко всем христианам мира, ко всем людям, жаждущим правды и мира, — с призывом услышать наш голос, зовущий к братолюбию, человечности, справедливости, правде».

Благословляя эту все крепнущую волю народов к миру и отовсюду идущий протест против войны, мы вместе с тем свидетельствуем, что Церковь благословляет и благословит защиту Отечества, ибо она смотрит на эту защиту, как на святой долг, как на высшее выражение любви к Родине, как на подвиг, на высоту которого указывает слово Божие, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн. XV, 13).

От лица Русской Православной Церкви обращаюсь ко всем братским Автокефальным Православным Церквам с призывом возвысить свой голос против всех покушений и действий, направленных к нарушению мира, против надвинувшихся новых проявлений человеческой ненависти и призываю всех поборников мира присоединить свой голос к огласившему весь мир благородному призыву к защите мира.

Да благословит Господь единение всех сторонников мира на земле! Да озарится весь мир светом христианских истин мира и братолюбия!

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Церковная жизнь

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

24 февраля 1949 года

В четверг, 24 февраля 1949 г., в Московской Патриархии состоялось заседание Священного Синода Русской Православной Церкви совместно с представителями Московской и Ленинградской Духовных Академий. Присутствие академических деятелей указывало на необычность и особую цель заседания, которое было созвано для того, чтобы рассмотреть и утвердить постановления Советов Духовных Академий о присуждении Святейшему Патриарху Алексию высшей ученой степени доктора богословия *honoris causa*.

Мысль об этом присуждении уже давно созревала в недрах высших духовных школ, из которых старейшая — Московская Академия — еще в начале 1947 г. чутко отозвалась на великие и славные дела, свершающиеся в Русской Православной Церкви, и запечатлела заслуги их свершителей — Святейшего Патриарха Алексия и его двух ближайших сподвижников: Митрополита Крутицкого Николая и Митрополита Ленинградского Григория — избранием в состав своих первых почетных членов.

С того момента прошло более чем два года, и за это время труды Первосвятителея Русской Православной Церкви, как и его главных помощников, умножились и переросли ту меру, до которой оценка дел и заслуг человеческих предоставляется обычно будущим поколениям. Но величие зримого всеми подвига во славу и процветание Церкви Христовой настоятельно требовало живого отклика современников — не для того, чтобы воздать за подвиг человеческой славой или угодить подвижникам, а ради торжества Православия, воздвигающего из своих недр верных исполнителей воли Божией, у которых все мы должны учиться самоотверженному труду во имя Христова.

Естественно, что наибольшие труды выпали на долю того, кто мудро и уверенно ведет Церковный Корабль к обетованным берегам вечного Царства Божия, кто не только возглавляет текущие события, но и сообщает им верное направление. И вот православные духовные академии, толкующие не одно слово Писания, но и смысл текущих церковных событий, решили вновь запечатлеть «вся великая и славная, что узрели очи их» новым актом признания заслуг Святейшего Патриарха Алексия. Засвидетельствовать это признание, а также выразить его Виновнику чести и собрались высшие руководители Русской Православной Церкви вместе с представителями двух духовных академий в торжественной обстановке одного из зал Московской Патриархии.

В строгом порядке иерархического достоинства заняли за большим столом свои места: Святейший Патриарх Алексей и постоянные члены Синода — Высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, Высокопреосвященный Митрополит Иоанн, Экзарх Украины и Высокопреосвященный Григорий, Митрополит Ленинградский и Новгородский; за ними очередные члены Синода — Преосвященный Иоасаф, епископ Тамбовский и Мичуринский, Преосвященный Иустин, епископ Вологодский и Череповецкий, Преосвященный Гурий, епископ Ташкентский и Средне-Азиатский, Управл. делами Свящ. Синода протопресвитер Н. Ф. Колчицкий; затем — представители духовных академий: Преосвященный Ректор Московской Академии архиепископ Гермоген, Преосвященный Ректор Ленинградской Академии епископ Симеон и от Московской Академии — проф.-прот. С. В. Савинский, проф.-прот. Д. И. Боголюбов, доценты Н. И. Муравьев и А. И. Георгиевский.

Сидящих за столом осеняли образы тех, чими подвигами укреплялась и украшалась в прошлом Русская Православная Церковь. За креслом Святейшего Патриарха Алексея — большое изображение Патриарха Гермогена, смертью запечатлевшего свою верность Церкви и Отечеству; на противоположной стене — портреты Патриархов Тихона и Сергия, мужественно стоявших за неприкосновенность внутрицерковной жизни; по боковым стенам — остальные русские Патриархи, дела которых давно вошли в общий поток церковной жизни нашего народа.

Председательствовал Высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский. Открывая заседание, он сказал: «Ваше Святейшество, Ваши Преосвященства, отцы и братья! Наше сегодняшнее собрание по своему составу — необычное и предмет собрания — исключительный. На заседание Священного Синода приглашены представители Московской Духовной Академии в лице Преосвященного Ректора архиепископа Гермогена, двух профессоров и двух доцентов, и представителя Ленинградской Духовной Академии в лице Преосвященного Ректора. Как известно, Советы профессоров и преподавателей обеих духовных академий вошли в Священный Синод с единогласными постановлениями о присвоении Святейшему нашему Патриарху Алексею высшей ученой степени доктора богословия *honoris causa* за его выдающиеся патриаршие труды, частично отобразенные в его книге «Слова, речи, послания, доклады, статьи», изданной в 1948 г. Священный Синод сейчас заслушает эти постановления и после этого выскажет свое суждение».

Постановление Совета Московской Духовной Академии доложил Преосвященный Ректор, архиепископ Гермоген. В первой рецензии Московской Духовной Академии на книгу Его Святейшества подчеркнуто, что труды Святейшего Патриарха Алексея являются отражением великих исторических событий, происшедших в Русской Православной Церкви за время Великой Отечественной войны и за последующий восстановительный период. Но это не «повесть временных лет», составленная опытным наблюдателем, а начертание жизненного пути активного участника мировых событий, руководящего жизнью Великой Русской Церкви. Книга Святейшего Патриарха документально изображает его патриотическую деятельность в грозное время войны и свидетельствует перед историей о той непоколебимой вере в победу славянского мира, которой вдохновлялись и верующие осажденного Ленинграда и вся Русская Церковь. Руководимая Патриархом Алексием Церковь и после войны не оставляет своих материнских забот о восстановлении страны и возливает на ее раны целительный елей духовной помощи.

Вместе с тем Патриарх Алексей успешно осуществляет начатое его предшественником, Патриархом Сергием, благоустройство внутрицерков-

ной жизни: восстанавливает и замещает архиерейские кафедры, открывает духовные школы, монастыри, усиливает издательскую деятельность Патриархии, насаждает уставность и благолепие в церковных богослужениях.

Но особенно важное значение имеет дальнейшая нормализация взаимоотношений между Церковью и Государством, ясно декларированная на Поместном Соборе 1945 г., а также огромная работа по собиранию рассеянных по всему миру чад Русской Православной Церкви. Этой стороне деятельности Святейшего Патриарха Алексия была посвящена вторая рецензия Московской Духовной Академии, из которой следует, что основным плодом патриарших трудов явилось могучее пробуждение нравственных сил верующих и укрепление нашей исторической бодрости и национального самосознания.

Совершенно очевидно, что усердие современников к Патриарху Алексию не могло выразиться иначе, как в присуждении ему золотого венца богословской мудрости — высшей ученой степени доктора богословия, но богословия не отвлеченного, а жизненного, осуществляемого подвигом многоплодного служения Церкви Христовой.

Совет Ленинградской Академии, в лице Преосвященного Ректора Симеона, епископа Лужского, обосновал свое решение о присуждении Святейшему Патриарху Алексию докторской степени уже известными нам фактами его патриаршей деятельности, дополнив ее указанием на активную борьбу с обновленческим расколом и на тот бесспорный факт, что под руководством Святейшего Патриарха Алексия Русская Церковь умножила свою славу перед лицом мирового Православия.

По окончании докладов (см. их тексты ниже) Высокопреосвященный Председатель Митрополит Николай сказал: «Я уверен, что отражу мнение всех членов Священного Синода, если скажу, что Святительская, а затем и Первосвятительская деятельность нашего Святейшего Патриарха в докладах обеих духовных академий очерчена ярко и всесторонне, как деятельность выдающаяся, историческая, входящая в историю не только нашей Церкви, но и Вселенского Православия. Мы, постоянные Члены Синода, ближе прочих епархиальных Преосвященных стоим к Святейшему Патриарху и знаем о его выдающейся деятельности на благо Святой Церкви не только по её внешним проявлениям и плодам; мы знаем о повседневном огромном и напряженном труде Святейшего Патриарха, какой он несет к вящей славе Святого Православия и нашей родной Церкви. В постановлениях Духовных Академий воздано должное высоким достоинствам и церковно-историческому значению глубокой по содержанию и проникновенной книги нашего Патриарха, за которую ему благодарна вся Русская Православная Церковь. Я выражаю единодушное мнение Священного Синода: мы утверждаем постановления обеих Духовных Академий о присвоении Вашему Святейшеству высшей ученой степени доктора богословия *honoris causa* и просим Вас, как достойнейшего этой степени, принять ее. Аксиос!».

Под единодушное троекратное «Аксиос!» всего собрания Председательствующий Митрополит Николай поднес и вручил Его Святейшеству золотой докторский крест с голубой эмалью и докторский диплом.

Тронутый столь сильным проявлением любви своих сотрудников, выразивших в этот момент общее почитание всей Русской Православной Церкви, Святейший Патриарх Алексей произнес следующую речь: «Должен сказать, что я крайне смущен Постановлением Советов Московской и Ленинградской Духовных Академий о присуждении мне ученой степени доктора богословия. Правда, это Постановление не является для меня неожиданностью, и вы, конечно, помните, что я неизменно

и неоднократно старался отклонить от себя эту высокую честь, ибо, говоря словами св. Апостола Павла «я не почитаю себя достигшим» (Филип. 3, 13). Я указывал и на то, что среди наших архипастырей есть другие, более чем я, достойные чести высшего ученого звания.

Сопротивляясь этому чествованию, я не раз высказывал и свое опасение, как бы нам не снизить высокого уровня богословской учености, достигнутого нашими предшественниками.

Меня до некоторой степени успокаивает то, что эта докторская степень присваивается мне по освященному традицией принципу: «honoris causa». Но все же я смущен этой честью, потому что вынуждаюсь к принятию высшей ученой степени, минуя промежуточную ступень, и, таким образом, являюсь невольным нарушителем порядка, установленного академической традицией.

Однако при всем своем смущении я не считаю себя вправе отвергнуть ту любовь, которою Вы почтили меня, и тот сан, который, несмотря на свое недостоинство, я имею послушание носить по воле Промысла Божия.

Принимая докторскую степень как дар Вашей любви, я благодарю за честь, которая еще более увеличивает во мне чувство моего недостойнства. И видимый знак этой чести, докторский крест, я приемлю с благоговением; и при каждом возложении его на себя буду проникаться сознанием своих немощей, что особенно полезно для смирения нашего.

Благодарю Советы Духовных Академий и моих собратьев — Членов Священного Синода — за оказанную мне любовь, и прошу Ваших молитв о том, чтобы новое возвышение не порождало во мне сознания превосходства перед другими, а, наоборот, чтобы оно смиряло меня, тем более, что в ходе дел церковных нет никакой моей личной заслуги, ибо Господь судил мне совершать свое церковное служение по пути, уже проложенному моим мудрым предшественником блаженной памяти Патриархом Сергием, за которым идти легко, в особенности, тогда, когда имеешь таких усердных и добрых сотрудников».

В этот момент в зал заседания прибыл настоятель Антиохийского подворья в Москве, представитель Антиохийского Патриарха, архимандрит о. Василий (Самаха), который, обратившись к Виновнику торжества, сказал: «Позвольте, Ваше Святейшество, мне, сыну Патриархата Антиохийского, того самого Патриархата, который хранит в своем сердце много уважения и любви к Вашей священной особе, поздравить Ваше Святейшество с получением степени доктора богословия».

Русская Церковь, в лице Священного Синода, совместно с учеными корпорациями духовных академий, достойно вознесла светильник на горние высоты, да светит миру! Этот яркий свет освещает не только Русскую Церковь, но и весь православный мир, созерцающий этот свет с надеждой и верой. Участвуя в лице присутствующих в настоящем торжестве, этот мир восклицает: «Аксиос!».

С особым правом приносит горячие поздравления по этому случаю Церковь Антиохийская, потому что многие ее священнослужители были питомцами русских духовных академий и в их числе — Предстоятель Антиохийской Церкви Блаженнейший Патриарх Александр III.

Без сомнения, Ваше Святейшество, этот исторический день вписывает новую страницу в историю всего Православия, которое выражает сегодня Вам свое глубокое почитание. Неудивительно, что Русская Церковь оказывает честь личности Святейшего Патриарха, голос которого звучит на весь православный мир. Это голос Ангела, которому имеющие уши пусть внимают, ибо сердца их возрадуются, когда они последуют голосу доброго Пастыря.

Я испрашиваю у Всемогущего, чтобы Он сохранил этот великий свет, исходящий от Вашего Святейшества, на многие лета».

На этом приветствии Антиохийской Церкви закончилось заседание Священного Синода. Все поднялись со своих мест и стали подходить к Его Святейшеству с поздравлениями. Получая в ответ Патриаршее благословение, каждый участник собрания ясно ощущал мудрую власть и любовь духовного отца.

А. ВЕДЕРНИКОВ

ЖУРНАЛ № 8

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

от 28 декабря 1948 г.

СЛУШАЛИ:

Доклад Высокопреосвященного Ректора Академии архиепископа Гермогена о своевременности и полной обоснованности, согласно 27 ст. Положения о Духовных Академиях, присуждения высшей ученой степени доктора богословия *honoris causa* Его Святейшеству, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. При этом зачитываются две рецензии о сущности Его Святительской деятельности на Московском Патриаршем престоле и о Его Апостольских трудах во Вселенской Православной Церкви.

ПЕРВАЯ РЕЦЕНЗИЯ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НА ПЕЧАТНЫЙ ТРУД ЕГО СЯТЕЙШЕСТВА ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

«Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи»,
М. 1948, 248 стр., изд. Московской Патриархии.

С благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Московская Патриархия выпустила в 1948 году в свет сборник трудов Его Святейшества, печатавшихся в разное время в книгах: «Правда о религии в России», М. 1942 г., «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», М. 1943 г., и в «Журнале Московской Патриархии» за 1943—1948 гг.

Разнообразные по содержанию и по форме (слова, речи, послания, обращения, доклады и статьи) изданные труды Святейшего Патриарха обнимают собою период с 1941 г. по настоящее время и являются отражением великих исторических событий, происшедших в жизни Православной Русской Церкви и всей нашей страны в эпоху Великой Отечественной войны и последующий за нею восстановительный период.

Война застала Святейшего Патриарха Алексия в сане Митрополита Ленинградского и Новгородского, и первый отдел сборника посвящен посланиям Ленинградской пастве в годы немецкой блокады. В пасхальном послании к Ленинградской пастве (март 1942 г.) Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий призывает паству больше чем когда-либо хранить бодрость и твердость духа в твердой надежде на окончательную победу над врагом, которая явится залогом прочного мира между народами. «И главное, — говорит он, — враг бессилен против нашей правды и нашей беспредельной воли к победе, которой не могут сломить никакие наши временные неудачи и кратковременные успехи врага, ибо мы знаем, что, по слову Премудрого, «погибели пред-

шествует гордость и падению — надменность» (Притч. 16, 18) и что «Бог гордым противится» (1 Петра 5, 5).

Во всех церквях Ленинграда в Вербное воскресенье было прочитано обращение Ленинградского Митрополита к пастве. В нем он призывал верующих самоотверженно и с неослабным усердием помогать нашим доблестным бойцам честной работой в тылу.

«Победа, — говорилось в обращении, — достигается силой не одного оружия, но и силой всеобщего подъема и мощной веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, «спасающего нас от малодушия и от бури» (Пс. 54, 9). И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия: в него переливается и зажигает сердца воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ» («Пасхальные дни в Ленинграде» в книге «Правда о религии в России», изд. Московской Патриархии, 1942, стр. 256—261).

Ободряя и утешая пасомых среди ужасов войны, когда «безумный враг, все более и более ожесточающийся от тяжких поражений, наносимых ему нашей доблестной Красной Армией, подобно смертельно раненому дикому разъяренному зверю, терзает наших близких, дорогих нашему сердцу лиц, имевших несчастье попасть в его лапы», Митрополит Алексей в пасхальном послании 1943 года рисует картины поражения врага. «Мы видим, — говорит он, — эту недавно гордую и сильную армию, частями превратившуюся в жалкую толпу беглецов — голодных, холодных, преследуемых страхом грозного мщения от раздраженного народа; покидающих свои знамена при одном появлении наших воинских отрядов; бросающих оружие перед нашими партизанами; сдающихся в плен целыми десятками тысяч во главе со своими военачальниками».

Причину такой разительной перемены он видит в том, что «всех нас, от первого вождя до последнего воина, от малого ребенка до глубокого старика, охватывает одно крепкое, непоколебимое святое чувство любви к Родине... Во всех нас заговорил русский, сын своего Отечества, и все встали не за себя, не за свои личные блага, а за общую Мать-Родину, которой грозит разорение и гибель».

«Такое святое чувство, соединяющее людей, превращает человека в героя; таким героизмом, во имя любви к Родине, проникнут весь народ».

В архипастырском послании к пастырям и пастве в городах и селах Ленинградской области, пока еще занятых вражескими войсками, с болью сердца он пишет: «С особым умилением простираю к вам голос мой... Тяжела и безрадостна жизнь ваша в земле исконно русской, но временно захваченной врагом безжалостным, ненавидящим все русское, попирающим все для нас дорогое и священное, не щадящим в злобе своей ни старца, ни женщины, ни младенца».

Мы знаем, как страдаете вы, отрезанные от своих близких, от дорогих сердцу. Не менее тяжело и для нас это разъединение. Мы слышим ваши стоны, боль сердца вашего в страданиях Родины, и всей душой мы с вами... О вас наша неотвязная дума и о вас тревога любви нашей».

В этом же послании Митрополит Алексей упоминает с чувством гордости о партизанах, которые, «не щадя жизни, всеми силами борются со врагом, помогая этим нашим доблестным защитникам — воинам нашей Красной Армии в их беззаветной борьбе за честь и свободу Родины. Доблестный гражданин русской земли Минин еще жив в потомках своих, которые дышат его великим духом, горят его любовью к Отечеству».

«И мы благословляем этот ваш подвиг ратный и твердо веруем, что «Господь сил» с вами в этой священной борьбе, что этому благородному порыву вашему Он подает Свою дивную помощь и силу».

В 1944 г. Патриарх Алексий в своем новом послании возлюбленным братьям, чадам Святой Православной Церкви на земле, занятой временно врагами-фашистами, с радостью возвещает: «Мы верим, что новый 1944 год принесет вам избавление от ига злобного фашизма, и великий Новгород и Псков, и всю землю нашу снова озарит солнце радости бытия и счастья свободы... А враг «той же дорогою, которою пришел, возвратится. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его» (4 Царств. 19, 33—34), — говорит Господь, «Как тать, побежит враг из нашей земли, в которую он вторгся, как разбойник». Для меня, — продолжает он далее, — Божиим изволением давно уже поставленного в самую близкую связь с Новгородом и Новгородскою паствою, особенно тягостна и горестна невозможность быть с нею в это скорбное время в непосредственном общении. Но я с вами неразрывно духом. И потому особенно горяча моя молитва о вашем скором избавлении».

В этих словах сказался горячий патриот, верный сын своей Родины.

Когда весть об освобождении Новгорода и Пскова дошла до Ленинграда, Патриарх Алексий в архипастырском послании к Ленинградской пастве с радостью восклицает: «Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам, Ленинградском фронте. Эта победа отозвалась неописуемой радостью в наших сердцах и вызвала в них новую, горячую волну благодарности и любви к нашим славным, в подлинном смысле, победоносным защитникам!»

Слава и честь, и многая помощь от Господа мудрому верховному командованию и богодарованному Верховному Вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину! Слава героям — вождям нашего доблестного воинства!

Вечная память положившим жизнь свою за родную землю и тем, кому судил Господь перейти в жизнь нестареющую в эту тяжелую годину испытания нашего Отечества!

В пасхальном послании 1944 г. к пастырям и пастве в городах и селах Ленинградской епархии, освобожденных от вражеской оккупации и фашистского гнета, Патриарх Алексий посылает радостный праздничный привет и благословение Господне:

«Если для всех нас безмерно радостна весть о Воскресении Христовом, то для вас, братие, она является сугубо радостной и светлой, так как после долгого промежутка времени вы встречаете ее освобожденными от страшного гнета фашистских зверств и насилия».

Упомянув о разрушении Великого Новгорода и святыни его Св. Софии, об уничтожении древней Старой Руссы, уничтожении и разорении сел и деревень Ленинградской и Новгородской областей, о десятках тысяч замученных, расстрелянных и угнанных на каторгу в Германию мирных жителей, Патриарх Алексий говорит: «Вы на опыте извели, что такое фашизм, убедились, насколько он жесток и враждебен всему русскому, всему славянскому, каким лютым врагом он является христианству, хотя он и старается лживо показать себя защитником христианской веры».

«Но, благодарение Богу! Эти тяжкие для нас времена миновали... Явите же себя теперь при свете радости освобождения достойными и верными сынами своего народа».

Патриарх Алексий приглашает население освобожденных городов и сел принять участие в их восстановлении, в сельскохозяйственной ра-

боте колхозов. Приглашает помогать Красной Армии своими материальными жертвами. «Во исполнение распоряжений гражданской власти, — говорит он, — покажите себя достойными великих званий — гражданина своей Родины и православного христианина.

Наша же власть, власть Советская, есть опора вашего благополучия, вашего развития, вашего обеспечения в старости. Любите ее, храните, помогайте ей в большом и великом деле восстановления наших памятников, наших жилищ, наших святынь» («Слова, речи...», стр. 38—39).

Мы нарочно остановились несколько подробнее на первом отделе книги, рисующей патриотическую деятельность Патриарха Алексия во время Великой Отечественной войны. В героические годы Ленинградской осады Святейший Патриарх, тогда Митрополит Ленинградской епархии, как пламенный патриот, делил со своей паствой горести и бедствия тяжелой блокады и вдохновенным своим словом и личным примером поддерживал дух осажденных. Он не сомневался ни на минуту в благоприятном для нас исходе спора наступающего германизма против защищающегося славянского мира. Правда на нашей стороне, правда и беспредельная воля к победе, горячая любовь к Родине делали нас непобедимыми. С великим самоотвержением и небывалым единством народ наш вел священную войну против жестокого и коварного врага. Ленинград принял на себя первые удары вероломного врага и мужественно отстаивал честь и свободу русской земли. В своих архипастырских посланиях к пастве Патриарх Алексий, любящий свою Родину, страдавший за нее душою, благословлял всенародный подвиг борьбы за благо Родины. Красноречивый проповедник, он всею силою своего слова, проникнутого чувством пламенной любви к дорогой отчизне и глубокой веры в помощь Божию, постоянно убеждал всех быть бодрыми, не падать духом и не уступать врагу. Призывая всех к ратному подвигу, он особенно ценил действия партизан, самоотверженно боровшихся с неприятелем в глубоком тылу.

Картина разрушений в Петергофе, в Пушкине и других местах, жестокое бесчеловечное обращение с мирными жителями возбуждали справедливый гнев Святителя.

«Мы приобретаем силу переносить любые испытания, — писал он в статье «Немецкие злодеяния в Петергофе и Пушкине» («Ж. М. П» № 2, 1944, стр. 19—22). Мы можем побороть в себе любой страх. Но непреодолимым является жгучее чувство презрения и отвращения к разорителям наших вековых гнезд, к палачам дорогих нам собратий и сродников. Справедливый народный суд Божий мы призываем на их преступные головы».

«Церковь зовет к защите Родины, — писал Патриарх Алексий (в то время — Митрополит) в обращении к верующим, — война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жадностью грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие неба за кровь и за бедствия своих и чужих.

Но война — священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, принимая раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут следами мучеников к нетленному и вечному венцу. Поэтому Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества». («Церковь зовет к защите Родины», «Слова, речи...», стр. 40—42. См. также «Правда о религии в России», изд. Московской Патриархии, 1942, стр. 414—418).

В своем докладе на Соборе епископов Православной Церкви 8 сентября 1943 г. Митрополит Алексий развил мысль о причинах и условиях

победы на войне. Отдавая должное вооруженным силам и технике военного дела, он указал на нравственные условия победы, гораздо более широкие и более возвышенные и даже более действенные, чем численность и сила орудий современного боя. Нравственные условия нужны в армии и в тылу. Первой необходимо воодушевление, готовность перенести всякие жертвы, лишения, раны и самую смерть; народу в тылу, который до войны породил и воспитал армию и во время войны питает ее духовно, необходима твердая вера в Бога, благословляющего справедливую брань, сознание правды вedomой войны, сознание долга перед Богом и Родиной.

Нравственные условия производят и в народе, и в войске то истинное воодушевление, которое является залогом верной победы, ибо при таком настроении народ побежден быть не может. («Долг христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны», «Слова, речи...», стр. 48—52).

«Патриотизм русского человека ведом всему миру. По особым свойствам русского народа, он носит особый характер самой глубокой горячей любви к своей Родине. Эту любовь можно сравнить только с любовью к своей матери, с самой нежной заботой о ней. Кажется, ни на одном языке рядом со словом «родина» не поставлено слово «мать», как у нас. Мы говорим не просто Родина, но «Мать-Родина» и как много глубокого смысла в этом сочетании двух самых дорогих для человека слов! Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира. Ему особенно свойственна тоска по Родине, о которой у него постоянная дума, постоянная мечта. Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь. Он готов отдать все свои силы на защиту ее; он рвется в бой за ее честь, неприкосновенность и целостность и проявляет беззаветную храбрость, полное презрение к смерти. Не только как на долг, священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах остановить, который он должен до конца исчерпать». (Из слова Митрополита Ленинградского Алексия за Литургией в Богоявленском кафедральном соборе в Москве 10 августа 1941 г.).

Слова эти о патриотизме русского человека приложимы, нужно думать, и к Патриарху Алексию — он есть тот русский человек, который беззаветно любит свою Родину-Мать и готов в случае нужды пожертвовать для нее жизнью и отдать все свои силы на служение ей.

Второй, сравнительно большой, отдел книги посвящен патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны.

Из статей, помещенных здесь, кроме указанных выше: «Церковь зовет к защите Родины», «Из слова за Литургией в Богоявленском кафедральном соборе (о патриотизме русского человека)» и другие — заслуживают внимания и остальные: «Христианство и война с гитлеризмом», «О патриотической деятельности Церкви за период войны» и др.

Из последней статьи, например, мы узнаем, что общая сумма жертвований Церкви на нужды войны достигла к январю 1945 г. до внушительной суммы свыше двухсот миллионов руб. Позже она превысила триста миллионов рублей.

В сборнике, в отделе о патриотической деятельности Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны, помещены послания Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Они направлены уже ко всем пастырям и пасомым Русской Церкви, к духовенству и верующим русского наро-

да, они говорят о патриотической деятельности Русской Православной Церкви за весь период войны.

В первом послании пастырям и пасомым Православной Русской Церкви Патриарший Местоблюститель, вспоминая слова почившего Патриарха Сергия о том, что Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа и вместе с ним и испытания несла, и успехами его утешалась, и не оставит его и теперь своими молитвами и помощью, тут же сообщает, что Церковь собирала средства на многообразные нужды обороны: по приглашению и по благословению Святейшего Патриарха, она соорудила танковую колонну имени Димитрия Донского.

В письме к руководителю Советского Правительства И. В. Сталину, от 24/X 1944 г. он сообщает сумму до 150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода, собранных на военные нужды верующими Русской Православной Церкви. Сообщает также о том, что нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победоносного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии и что для начала дела Патриархия вносит один миллион рублей.

В докладе о патриотической деятельности Церкви за период войны на заседании Поместного Собора Русской Православной Церкви 31 января 1945 г. Патриарший Местоблюститель, Митрополит Алексий, сообщая о щедрых пожертвованиях на нужды обороны, говорит, что эти жертвы текут и будут продолжаться вплоть до той поры, пока не будет окончена война, и народ наш не вернется к мирному строению.

По случаю победоносного окончания войны Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий в своем послании Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Русской Церкви пишет:

«Пробил последний час фашистской Германии. Разбита и сокрушена сила ее. В прах повержена Германия. Знамя победы развивается над вражьей страной. Слава и благодарение Богу! Это победный гимн, светлая песнь восторжествовавшей справедливости...».

Но победа несет не только сознание радости. Она несет также сознание долга, сознание обязанности, сознание ответственности за настоящее и будущее, сознание необходимости усилить труд, чтобы закрепить победу, чтобы сделать ее плодотворной, чтобы залечить раны, нанесенные войной.

«С удвоенной силой, — говорит Патриарх, — мы примемся за воссоздание наших городов, из которых каждый — герой войны; наших дорог и священных памятников, всего того, что создала могучая воля и державная мощь нашего великого народа».

В поздравительной телеграмме Генералиссимусу Советского Союза И. В. Сталину, принося от лица Православной Русской Церкви поздравления, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий говорит: «Православная Русская Церковь едиными устами и единым сердцем верных сынов своих приносит благодарение Господу Богу и возносит усердные молитвы за благоденствие Ваше, дорогой Иосиф Виссарионович, чей военный гений и чьи неусыпные труды на благо нашей Родины даровали народам нашим великую победу и победоносный мир.

Да процветает возлюбленное Отечество наше под мудрым водительством Вашим и да послужит завоеванный Вами мир залогом мира для всего человечества».

Приветствуя с окончанием войны Преосвященных архипастырей, пастырей и верных чад Святой Православной Русской Церкви, Святей-

ший Патриарх Алексий говорит: «Наступил долгожданный вожделенный день, когда с облегченным сердцем мы можем сказать от всей глубины души: «Слава в вышних Богу и на земле мир».

Открывается новая эра в жизни народов; новая страница всемирной истории; новая эпоха братства народов и мира во всем мире»... «Патриаршее послание о благодарении Богу по случаю победоносного окончания Великой Отечественной войны и перехода к мирному труду и строительству в нашем Отечестве», 3 сентября 1945 г.).

III, IV, V и VI отделы книги посвящены интронизации Святейшего Патриарха Сергия, кончине, погребению и поминовению его; местоблюстителству Митрополита Алексия в Русской Православной Церкви; Поместному Собору Православной Русской Церкви.

Остановим наше внимание на Патриаршем послании архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви о вступлении на Патриарший престол (4 февраля 1945 г.), так как здесь намечается программа деятельности нового Патриарха и высказывается взгляд его на патриаршее служение.

«Патриарх,— говорит он,— есть живой и одушевленный образ Христа, делом и словом в себе самом наглядно выражающий истину.

Задачей его является сохранение в благочестии и святости тех, кого он принял от Бога. Цель его — жить во Христе и для мира быть распятым. Долг Патриарха — хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему Поместную Церковь от разделений и раскола; насаждать доброе житие в своей пастве; и иных по апостолу «обличать», «запрещать», «да всяко некие спасутся». «Охранять местную Церковь от падений, возносить дух ее горé, поддерживать в ней горение духа — все это лежит на Патриархе и требует от него постоянного бодрствования».

В мудром предвидении судеб Русской Православной Церкви Патриарх Сергий задолго до своей кончины наметил себе достойного преемника в лице Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского).

Завещание Патриарха Сергия стало известно только в день смерти его, хотя написано было оно 12 октября 1941 г. — в самые тяжелые дни германского нашествия на русскую землю.

Выбор Патриарха Сергия объясняется, очевидно, личными качествами его будущего заместителя на посту Первосвященителя Русской Церкви, известными покойному Патриарху, а также его богатым жизненным опытом. Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился в Москве 27 октября 1877 г. С молодых лет он почувствовал влечение к церковному служению. По окончании 8 классов Московского лицея он пожелал пойти в Духовную Академию, но, исполняя волю родителей, должен был сначала окончить Московский университет по юридическому факультету (1899), после чего лишь поступил в Московскую Духовную Академию, которую и окончил в 1904 г.

Степень кандидата в университете он получил за сочинение по международному праву: «Комбатанты и некомбатанты во время войны», а степень кандидата богословия в Духовной Академии за сочинение по кафедре философии: «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом Митрополита Филарета».

В 1902 г., будучи студентом II курса Академии, он был пострижен в монашество, с наречением имени Алексий, и посвящен в сан иеродиакона, а в 1903 г. — в сан иеромонаха. С 1904 г. иеромонах Алексий — инспектор Псковской Духовной Семинарии. С 1906 г. он — ректор Туль-

ской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита, и в 1911 г. — ректор Новгородской Семинарии.

В 1913 г. Патриарх Антиохийский Григорий, приехавший в Россию, посвящает архимандрита Алексия в сан епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии, которой управлял тогда Митрополит Арсений (Стадницкий), большой ценитель уставного богослужения и сторонник строгого стиля в церковном пении. Близкий к нему, по своим личным склонностям, епископ Алексей с первых же дней архиерейского служения ревностно охраняет церковную уставность и благолепие церковных служб, подавая в этом отношении личный пример. Митрополит Арсений, занятый в Синоде, предоставляет фактическое управление епархией молодому викарию, который одновременно состоит настоятелем Варлаамо-Хутынского монастыря.

Дальнейшее его служение продолжается в сане епископа Ямбургского, первого викария Петроградской епархии. В этот период, с 1921 г. по 1926 г., епископ Алексей приобретает опыт крупного администратора, способного сочетать необходимый такт с прямолинейностью своего характера. Заслуги в области епархиального управления и борьбы с обновленческим расколом приводят епископа Алексия к управлению Новгородской епархией уже в сане архиепископа.

Его, как активно охраняющего неизменную верность Матери-Церкви, Патриарший Местоблюститель, Митрополит Сергей, вводит в состав Священного Синода. В 1932 г. архиепископ Алексей возводится в сан Митрополита Новгородского, а в следующем году переводится на пост Митрополита Ленинградского.

Таков, в кратком обзоре, жизненный путь Патриарха Московского и всея Руси Алексия.

Среди личных качеств и заслуг Первосвященителя Земли Русской, среди благоприятных предпосылок его высокого назначения, нельзя не отметить сочетание светского и духовного образования и богатых духовных дарований с глубоким административным опытом.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ. ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЕНИЕ ЦЕРКВИ

Вступив в высокое и многотрудное служение Патриарха Православной Русской Церкви в чрезвычайно сложных и тяжелых условиях ее жизни, предшественник Патриарха Алексия Патриарх Сергей, как добрый пастырь и мудрый кормчий корабля церковного, привел Церковь Русскую к тихому пристанищу. Следуя его примеру, Патриарх Алексей продолжает его дело. Внутренняя жизнь Церкви нуждается в дальнейшем устроении. Прежде всего нужно упорядочить административный аппарат Церкви. Нужно заместить свободные архиерейские кафедры, подыскать подходящих кандидатов в епископы и организовать Епархиальные управления. За время местоблюстительства Митрополита Алексия было рукоположено 16 епископов и замещено 17 свободных кафедр. Ко времени Собора 1944 г. насчитывалось уже до 50 православных архиереев.

Второю заботою Патриарха Алексия является открытие новых храмов и подготовка просвещенных и убежденных священнослужителей Церкви. С этой целью 14/VI 1945 г. открыт был в Москве Богословский Институт, преобразованный после в Духовную Академию, переведенную с осени 1948 г. из Новодевичьего монастыря в Москве на ее старое место — в Троице-Сергиеву Лавру. В 1946 г. состоялось торжество открытия Ленинградской Духовной Академии. Открыты были в

Москве и Богословско-Пастырские курсы, преобразованные в Духовную Семинарию. Такие же духовные семинарии открыты были в Ленинграде и в других городах («Ж. М. П.», 1946, № 10, стр. 6).

В 1946 г. в церковной жизни произошло еще одно важное событие: старанием Святейшего Патриарха Алексия состоялось торжественное открытие Троице-Сергиевой Лавры.

Патриархией предпринят был ряд мер с целью расширить область церковной деятельности и сделать ее более плодотворной.

Предположено расширение издательского дела Патриархии, отвечающего потребностям и вопросам церковной жизни. Издается ежемесячный «Журнал Московской Патриархии». Собор епископов (1944 г.) с удовлетворением отметил патриотическое направление Журнала и призвал Преосвященных архипастырей к более живому и близкому общению с Журналом путем участия в журнальной литературной работе.

Из пасхального послания Святейшего Патриарха Алексия к настоятелям церквей г. Москвы в 1946 году видно, какую заботу прилагал он в то же время к устройению богослужебного порядка в церкви и благоустройства самих храмов. Святейший Патриарх обращает внимание на внутренний вид храмов Божиих, в которых должно быть продумано, предусмотрено и устроено все для создания особого молитвенного настроения у молящихся; на освещение в храмах, из которого должно быть устранено излишнее увлечение электрическими лампочками. «Мерцание возженных лампад, тихий свет восковых свечей, — пишет Патриарх, — вот что хочет видеть богомолец, вступающий в храм для сосредоточенной молитвы. Яркий же и искусственный свет электричества не только не создает, но рассеивает молитвенное настроение».

Большое внимание уделяет Святейший Патриарх Алексий и богослужебному пению. Он сторонник «такого пения, которое трогало бы сердца, вызывало бы слезы умиления, поднимало наш дух и помогало бы молиться»... «Исполнение же церковных песнопений в крикливом тоне светских романсов или страстных оперных арий не дает возможности молящимся не только сосредоточиваться, но даже уловить содержание и смысл церковных песнопений».

Такое пение дает лишь в лучшем случае «наслаждение» слуху, при том мирское, тогда как молящийся ищет «умиления» духовного. Зачем же нам гоняться за театральным пением, когда у нас есть «изумительные образцы пения строго церковного, освященного временем и традициями церковными?» (Прав. Церк. Календарь на 1947 г., стр. 48).

Обращает внимание Патриарх и на отсутствие порядка в церкви, особенно во время прикладывания к иконе, к Евангелию и при подхождении под благословение.

Высокое звание Патриарха требует особой осмотрительности и внимания к себе и окружающим людям. Патриарх Алексий соединяет сознание лежащего на нем долга поступать безошибочно, по Божией правде, и вести людей к вечному спасению с глубоким смирением и верою в Божий Промысл, устрояющий все к лучшему. «Неисповедимые пути Промысла Божия, — говорит Патриарх Алексий в своем первом пастырском послании, — привели меня к высшему служению в Православной Церкви в звании Патриарха.

Со страхом и трепетом приемлю я сей жребий служения, ибо сознаю всю тяжесть его и весь ответ мой перед Богом за вверяемую мне великую паству».

Такие пастыри Церкви Христовой, как Патриарх Алексий, несказанно дороги тем, что служат делу Божию. Католикос Грузии на Поместном Соборе в 1945 г. охарактеризовал вновь избранного Патриарха Алексия, как человека большого ума, твердой воли и просвещенного

сердца. Глубокий теоретический ум, обширные знания в области библейского текста, святоотеческой литературы и церковных канонов Святейший Патриарх Алексий соединяет с мудростью практической, с богатым опытом и талантом администратора. Твердо стоя на неизблемости догматов Православной Церкви и ее канонов, он уверенно ведет корабль Христов Русской Православной Церкви по пути, указанному ей Господом, являясь в одно и то же время и глубоким богословом и красноречивым проповедником — учителем Церкви, отличающимся на все события Церковной жизни живым пламенным словом. Горячий патриот и опытный администратор, Патриарх Алексий есть тот добрый пастырь, который душу свою полагает за овцы, и мудрый кормчий корабля церковного, с самых юных лет отдавший на служение Церкви все свои силы, на которого можно положиться во всех затруднительных обстоятельствах церковной жизни.

Как человек, он в то же время является образцом уравновешанности, отзывчивости и высшей принципиальности.

Особенно бросается в глаза обилие и разнообразие его речей, посланий, проповедей по различным случаям жизни. Глубокие по содержанию, простые и ясные по мысли, доступные пониманию каждого простого и мало просвещенного человека, они могут служить образцами изящной по форме, доведенной до предельной краткости, глубоко продуманной и прочувствованной речи.

ВТОРАЯ РЕЦЕНЗИЯ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НА КНИГУ ЕГО СЯТЕЙШЕСТВА ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Вышедший из печати в текущем году сборник посланий и речей Святейшего Патриарха Алексия весьма выдающееся явление в нашей отечественной богословской литературе. Он как нельзя более соответствует запросам современного церковного сознания и отчетливо намечает нормы христианской жизни в условиях нашей эпохи.

Патриарх решает здесь задачи не отвлеченно-богословские, а чисто жизненные. Он дает в своих речах, как глава Русской Церкви «*ex cathedra*» авторитетный ответ на вопросы: 1) об отношении Церкви к социальному строю советской государственной жизни; 2) начертывает идеал личности пастыря, стоящего на свещнице церковного служения; 3) выражает взгляд Церкви на фашизм; 4) развивает мысль о способах осуществления христиански понимаемой идеи патриотического служения Родине и, 5) наконец, подготавливает для зарубежных русских епископов-раскольников каноническую почву к братскому слиянию их с Великой Матерью — Русской Церковью.

На перечисленные темы Святейший отвечает с надлежащей глубиной и полнотой. Рассматриваемая нами его работа имеет высокую научную ценность для церковно-исторической и богословской науки. Она, прежде всего, ясно намечает, в свете библейских обоснований, задачи и программу работы Церкви в военной и мирной обстановке нашей жизни на пользу Родины.

Совершенно объективно подходя к событиям в нашей стране с 1941 по 1946 гг., Патриарх, применительно к общественным нуждам за период Русской Отечественной войны и по окончании ее, указывает в своих речах и посланиях способы моральной и практической помощи Церкви родному народу и Красной Армии. Он красочно описывает всю низость, гордыню и кровожадное зверство итало-немецкого фашизма в военной обстановке. Под влиянием сильных внутренних переживаний действительности пафос его речей в сборнике местами поднимается

до потрясающей изобразительности различных общественных настроений, особенно в военное время.

Еозвышенные патриотические взгляды Патриарха не просто авторитетны, но и научно зрелы, представляя свежий опыт решения проблемы о содействии Церкви Советскому Правительству на почве гражданских взаимоотношений.

К особым достоинствам суждений Патриарха по этому поводу нельзя не отнести их ясной обоснованности и летописной верности, вместе с образцовым искусством богословской интерпретации. Разнообразные мысли и соображения Его Святейшества везде насыщены сердечной теплотой, отчего читаются с неослабным интересом.

Все сказанное выше заставляет относиться к рассматриваемой книге, разнообразной по содержанию и многозначительной по важности затронутых вопросов, с глубоким вниманием. Она практически полезна, от начала до конца строго православна и в историческом смысле документальна, что значительно облегчит будущим историкам нашей Церкви работу при изучении взаимоотношений Русской Церкви с Государством за упомянутое семилетие. Здесь помещены животрепещущие церковные отклики, отражающие религиозное понимание действительности и канонически верную оценку раскольнических отпадений некоторых наших архиереев-эмигрантов от Матери-Церкви.

Книга Его Святейшества предлагает также твердый опыт решения ряда церковных недоумений литургического и канонического порядка и уточняет некоторые детали обстановки богослужения. По прочтении ее создается ясное представление о современном настроении православного пастыря и рядового христианина в нашей стране, где свобода вероисповеданий предоставлена всем верующим, независимо от их религиозных ориентаций. Знакомство со сборником Его Святейшества показывает, что Церковь в СССР не только не обезличена, но получила широчайшие права, о которых не мечтала при царизме.

Чисто богословские рассуждения Патриарха представляют сжатые, но содержательные замечания, главным образом, по вопросам христианской морали и догматики. Среди них можно встретить изображения идеального типа архипастыря, описания норм пастырского служения и общехристианского настроения.

На всех словах Патриарха лежит печать богословской эрудиции и святоотеческого понимания рассматриваемых истин нередко в духе и тоне Митрополита Филарета Московского. Патриарх Алексий часто украшает собственную речь блестками библейского стиля и сообщает ей отеческую простоту убеждения. Его доводы по поводу церковной действительности всегда убедительны, а директивы клиру и верующим — неизменно тактичны и в то же время решительны. Делая жизненные выводы из предпосылок, Его Святейшество никогда не сходит с высоты церковно-канонических требований и высоко держит знамя чистого Православия.

Рассматривая в общем аспекте содержание сборника Патриарха, как научно ценного труда, необходимо сказать, что он, конечно, далеко не исчерпывает всех церковных достижений Святейшего Алексия за годы его Патриаршества. Для придания полноты обозрению многопольных мероприятий, осуществленных Патриархом, следует еще отметить высокую историческую заслугу его по собиранию и объединению церковных сил для упорядочения церковной жизни в Советском Союзе и за границей. Патриарх Алексий, как известно всем, был душой присоединения к Русской Церкви многих зарубежных русских епископий с их приходами. При его живейшем содействии укреплены наши братские взаимоотношения с Восточными Патриархатами и Славянскими Правос-

лавными Церквями. Им созван и проведен в 1945 г. Поместный Собор Русской Православной Церкви, а в 1948 году — Совещание Представителей почти всех Православных Церквей. Волею Провидения именно он канонически воссоединил с Русской Церковью униатов Западной Украины и Галиции во главе с доктором о. Гавриилом Костельником, и таким образом ликвидировал Брестскую унию. Наконец, его трудам, свыше благословенным Богом, принадлежит открытие в Советском Союзе 2 высших и ряда средних духовно-учебных заведений. Каждое из упомянутых здесь исторических мероприятий связано с личной инициативой Его Святейшества.

Нельзя обойти молчанием яркого факта конструирования Патриархом административного аппарата Русской Церкви. Святейший Алексей заместил целый ряд архиерейских свободных кафедр, если принять во внимание епархии на Украине, в Белоруссии, Прибалтийских странах и Сибири, где организованы были одновременно и Епархиальные управления. Это повлекло за собою могучее пробуждение нравственных сил верующих и повысило их моральный потенциал.

В обоюдных интересах Церквей — Русской и Греко-Восточной — Патриарх Алексей много содействовал их сближению своим путешествием по Востоку. А во время своей Патриаршей интронизации и на праздновании 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви он создал в Москве мощную братскую манифестацию православных сил в лице восточных Патриархов и Святителей, делегированных к нам от православных славянских Церквей.

В промежуток времени между 1945/1948 гг. Святейший Патриарх Алексей деятельно участвовал в упразднении схизм Эстонской и Болгарской. Под его настойчивым влиянием возвращены в юрисдикцию Московской Патриархии Эстонская православная епархия, группировка епископов-эмигрантов во Франции, Валаамское иночество в Финляндии, русские епископии в Чехии, Германии, Дании, в Закарпатской Руси, в Китае, на Дальнем Востоке, а также украинцы-униаты, как во Львовской епархии, так и во многих других городах Западной Украины.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принимая во внимание ряд отмеченных выше выдающихся церковно-исторических заслуг Его Святейшества, каковы: 1) многополезнейшее руководящее управление Русской Церковью в сложной общецерковной обстановке; 2) создание в Русских Духовных Академиях и Семинариях научно-жизненной постановки богословской работы и непрерывное руководство ею в целях дальнейшего развития русской богословской мысли; 3) составление ценнейшего историко-гомилетического сборника слов, речей и посланий, Совет профессоров Московской Духовной Академии считает совершенно необходимым для полноты Первосвятительской славы своего великого Патриарха видеть Его украшенным и высшей научно-богословской степенью доктора богословия.

Ввиду этого Совет Академии почтительнейше просит Его Святейшество принять *honoris causa* означенное высшее ученое звание.

ЖУРНАЛ № 14 (58)

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ от 12 февраля 1949 г.

СЛУШАЛИ:

Предложение Ректора Академии Симеона, епископа Лужского, возбудить ходатайство перед Священным Синодом о присуждении Святейшему Патриарху Алексию степени доктора богословия.

«Основанием для этого ходатайства являются следующие соображения.

В новейшей истории Русской Православной Церкви обращает на себя внимание деятельность Святейшего Патриарха Алексия, как такого церковного администратора, который правильно понимает исторические задачи Русской Православной Церкви и настойчиво, неукоснительно их осуществляет.

Направление своей деятельности Святейший Патриарх Алексий указал в письме к руководителю Советского Правительства И. В. Сталину 19/V 1944 г. в следующих двух руководящих принципах: «Следование канонам и установлениям церковным, с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами Правительству нашему с другой».

Первое, указанное Святейшим Патриархом, положение, которым он руководствуется, направило его деятельность на укрепление (организационное и духовно-просветительное) Русской Православной Церкви в тяжелый период ее истории (сначала обновленческий раскол, потом вторжение фашистов, опустошавших нашу Родину и несших ей духовное порабощение), оно же остается руководящим принципом и теперь, в условиях мирного созидательного труда граждан нашего Социалистического Отечества.

Второе, указанное им, руководящее положение дало патриотическое направление его деятельности.

Первый, указанный Святейшим Алексием, Патриархом Московским и всея Руси, принцип церковной жизни (следование канонам и установлениям церковным) нашел свое осуществление в следующих фактах его деятельности и в следующих его мероприятиях.

1. Святейший Патриарх Алексий, еще в бытность свою епархиальным епископом (Ямбургским, викарием Петроградским, потом архиепископом Новгородским), вел твердую неотступную борьбу с обновленческим расколом, и его заслуги в этом были по достоинству оценены в то время Патриаршим Местоблюстителем Сергием (впоследствии Московским и всея Руси Патриархом), который ввел Преосвященнейшего архиепископа Новгородского Алексия в состав Священного Синода.

2. Правильная со всех точек зрения деятельность Святейшего Патриарха Алексия способствовала тому, что Русская Православная Церковь сохранила в чистоте Православную Христианскую веру «в могущественной России, которая стала крепостью всего Православия» (Тимофей, Патриарх Иерусалимский).

Выражением этой твердости и единства Русской Православной Церкви является Собор Епископов 1944 г. и Поместный Собор 1945 г., созывом и организацией которых руководил Патриарший Местоблюститель Митрополит Алексий. С избранием его в Патриархи влияние Русской Православной Церкви еще более усилилось. Одним из показателей этого явилось воссоединение греко-католической, церкви Галиции с Русской Православной Церковью на Львовском Церковном Соборе 1946 года, который отменил Брестскую унию 1596 года.

3. Такого положения наша Церковь могла достигнуть при условии своей прочности не только в организационном отношении, но и в результате общей просветительной своей работы.

По инициативе и по планам Святейшего Патриарха Алексия открыта целая сеть духовно-учебных заведений, и среди них Московская и Ленинградская Духовные Академии. Благодаря этим мероприятиям Русская Православная Церковь обеспечивается кадрами просвещенных пастырей, что так настоятельно необходимо для Церкви.

4. Многочисленные обращения Святейшего Патриарха Алексия к

пастырям и пастве, в связи со всеми важными событиями церковной и государственной жизни, являются образцом пастырского попечения и руководства. Проникнутые христианским духом любви к людям и заботы о преуспевании веры Христовой, они раскрывают глубины истинного Православия, трогают сердца, воспламеняют волю и питают ум своей простотой и задушевностью. Святейший Патриарх в этой своей деятельности является попечителем, отцом и пастырем своей многомиллионной паствы.

5. В заботах о воспитательных средствах христианского духа и благочестия Патриарх восстановил древние лавры: Троице-Сергиеву, Киево-Печерскую.

При Святейшем Патриархе Алексии православные христиане снова получили возможность поклонения святым мощам преподобного Сергия, Святителя Алексия, Святителя Феодосия Черниговского, Виленских мучеников и других.

6. В заботах о церковном благочинии и о воспитательном воздействии церковного богослужения Святейший Патриарх требует строгой уставности богослужения, восстановления старинных церковных напевов, которые, по его словам, «являются самым лучшим выражением высоких религиозных настроений», «небесной музыкой».

7. Вторым руководящим принципом деятельности Святейшего Патриарха является верность Родине и нашему Правительству. Этот принцип положен в основу христианско-патриотической деятельности, которую Патриарх проявил в бытность его Митрополитом Ленинградским и Новгородским в памятные годы блокады Ленинграда и во время его Патриаршества в Москве. Патриотические его заслуги перед Родиной оценены Советским Правительством, наградившим его орденом Трудового Красного Знамени.

Святейший Патриарх Алексей является достойным преемником великих почивших святителей: Патриарха Тихона и мудрого старца, отца нашей Церкви, Святейшего Патриарха Сергия. Он закрепил то правильное положение Русской Православной Церкви, при котором она не является государственным ведомством, или государством в государстве, а христианской семьей, цель которой — нравственное воспитание своих членов.

Принимая во внимание отмеченные мною заслуги перед Русской Православной Церковью Святейшего Патриарха Алексия, а также руководствуясь ст. 27 и 28 Положения о Духовных Академиях, я предлагаю возбудить перед Священным Синодом ходатайство о присвоении Святейшему Патриарху Алексию степени доктора богословия».

ПОСТАНОВИЛИ:

Возбудить ходатайство перед Священным Синодом о присуждении Святейшему Патриарху Алексию степени доктора богословия *honoris causa*.

**ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА № 3
ЗАСЕДАНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА**

22 февраля 1949 г.

СЛУШАЛИ:

Сообщение Патриарха о событии, имевшем место во время Крещенского водоосвящения на реке в Саратове и, в связи с этим, о появившейся в печати статье.

ПОСТАНОВИЛИ:

За проявленное во время Крещенского водосвятия в Саратове попустительство, имевшее последствием соблазнительное нарушение общественного приличия и выразившееся в массовом обнажении и купании нескольких сот человек, что, никак не составляя церковного обряда, но будучи непосредственно присоединенным к нему, вызвало со стороны печати незаслуженное обвинение Церкви в «мракобесии», «язычестве» и т. д. и послужило, таким образом, во вред Матери-Церкви. — Священный Синод считает необходимым сделать Преосвященному Борису, епископу Саратовскому, признаваемому Синодом виновным в указанном серьезном недосмотре, строгое замечание с тем, чтобы настоящее Постановление было напечатано в Журнале Московской Патриархии и особо сообщено епархиальным Преосвященным.

Вместе с тем, — запросить Преосвященного Саратовского, кто из духовенства поощрял это дело общего купания во время водосвятия.

**УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
ПРОТОПРЕСВИТЕР Н. Ф. КОЛЧИЦКИЙ**

* * *

Епископ Саратовский Борис перемещен епископом Чкаловским и Бузулукским.

речи, проповеди

НОЧЬ И ДЕНЬ

С л о в о,

сказанное в Пименовской церкви г. Москвы

«Ночь прошла, а день приблизился»
(Римл. 13, 12).

Не трудно представить себе, мои дорогие, томительное состояние тяжело больного в долгую зимнюю бессонную ночь. Больной напряженно ожидает рассвета и утра. Он знает, что утром к нему придет врач, соберутся около него близкие и родные, и при них ему станет как-то легче.

Неизмеримо более тяжелую и неисчислимо больше долгую ночь переживали верующие иудеи в годы Ветхого Завета. Эта ночь исчисляется не сутками, не годами и даже не веками, а тысячелетиями. Концом этой ночи было рождение Спасителя мира.

Для народов, предавшихся идолослужению, эта ночь была беспрочно-темной и безнадежной. Греховная зараза зловонной рекой распространилась по лицу земли тогдашнего человечества. Люди задыхались в греховном смраде и тонули в волнах пороков и страстей. Большинство людей потопило в этих грязных волнах свою совесть, а те, кто и слышал временами ее голос, не имели в себе силы противостоять всепожидавшему пороку.

В море народов-идолопоклонников был маленький островок: небольшое племя богоизбранного ветхозаветного иудейского народа, в котором хранилась истинная вера в Единого Бога. Правда, лишь немногие в этой ветхозаветной верующей иудейской семье силой своей веры и с помощью Божией оказывались победителями греха и достигали праведности; лишь немногие знали откровение Божие о бессмертии души человека, и для них оставалось непонятным: что ждет эту бессмертную душу за гробом, если двери Рая закрыты даже для тех, кто хранил веру в Единого Бога? Большинство же и этого народа погрязло в грехах, и их нечистотами заглушалась в человеке самая мысль о том, для чего мы живем и будем ли жить после смерти.

Но в этом богоизбранном народе из века в век, из поколения в поколение передавалось обещание Божие, данное еще первым людям в раю после их грехопадения, о том, что придет время, родится на земле Спаситель мира — «Семя Жены», Который «сотрет главу змия-диавола». Время от времени Господь посылал Своему иудейскому народу пророков, которые напоминали об этом святом обетовании, будили души людей к вере в Единого Бога и звали их к покаянию в грехах.

Люди вдохновлялись этой проповедью, плакали о грехах, но умирали пророки, и большинство этих людей опять погружалось в свой греховный сон.

Ночь продолжалась. Люди томились. Те иудеи, кто помнил о грядущем Спасителе мира, жили страстным ожиданием Его. Пророк Исаия говорит об ожидавших дня спасения, уподобляя их тем, кто обращается с вопросом к ночному сторожу: «Сторож! сколько ночи? Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь» (Ис. 21, 11—12).

Рождественский шестинедельный пост, который предшествует нашему великому празднику, символически изображает собой эту темную ночь ветхозаветного человечества. День за днем течет пост. Проходя это спасительное поприще, мы знаем, дорогие, что близко утро, близок день, когда вся православная земля будет поклоняться Новорожденному Младенцу, лежащему в Вифлеемских Яслях. В этот день мы празднуем восход над землей того Божественного Солнца, Которое после долгой ночи взошло, чтобы никогда не зайти.

Солнечному свету предшествует свет зари и, прежде чем взошло Солнце над землей, явилась на земле Та, Которую святая Церковь в словах акафиста называет «зарей таинственного дне». Когда родилась Благословенная Мария, никто, даже Ее родители, не знали, какую священную судьбу готовит Ей Божественный Промысл. Но вот пришла минута, когда юная душа Марии из уст Архангела Гавриила услышала весть о том, что Ей выпадает величайшее на земле счастье: быть Матерью Того, Кто родится для спасения людей от вечной смерти, вечного осуждения и от греха. После девяти месяцев естественного чревоношения, этот день пришел. Под покровом святой Рождественской ночи, в маленьком городке Вифлееме, вблизи священной столицы Иерусалима, родился Спаситель мира, Которого пять с половиной тысяч лет ожидали ветхозаветные люди. «Ночь прошла» (Римл. 13, 12), — говорит св. апостол Павел.

Ах, как мы счастливы с вами, мои дорогие, что родились не темной ветхозаветной ночью, а родились днем, во времена святой Церкви Христовой, после того, как родившийся Спаситель совершил свой крестный подвиг спасения людей, и когда св. Церковь украшается тысячами святых учителей, златословесных проповедников и богоносных праведников! Ведь это и о нас, не только о Своих современниках, говорил Господь Иисус Христос: «Ваши блаженны очи, что видят и уши ваши, что слышат; ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Мф. 13, 16—17).

Мы блаженны, мы счастливы, потому что над нами сияет незаходимое Солнце, потому что родился и жил на земле Тот, о Ком говорил Евангелист Иоанн Богослов, что Он «просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ио. 1, 9), о Ком наша Церковь поет: «Свет Твой, Господи, знаменая на нас». В Божественном слове, оставленном на земле до скончания века, нам открыты все тайны жизни мира и человека. Мы знаем о священном акте творения мира волей Всемогущего Бога, знаем о том, что Божественный Промысл управляет миром и каждым шагом человека, о том, что в каждом из нас живет бессмертная душа, что всех нас по смерти ожидает жизнь, не имеющая конца, что все мы — дети Небесного Отца, и что верные Ему дети наслаждаются вечным счастьем в Небесном нерукотворном Новом Иерусалиме. «Во свете Твоем узрим свет» — исповедуем мы радость и силу этих истин. Священное Писание говорит о том, какой путь ведет нас в это вечное,

нетленное, Небесное Царство: путь духовной нищеты, кротости, милосердия, чистоты, алкания и жажды правды. Разве ветхозаветные верующие люди знали хоть частицу того, что мы знаем о своей душе и ее пути к вечным радостям?

Как же мы с вами, дорогие, должны быть счастливы, родившись и живя под лучами Божественного Солнца Христа! Это Солнце не только освещает нашу жизненную дорогу, но и согревает нас своими живительными лучами. Как тепло нам жить под отеческим кровом нашего Сладчайшего Господа, в Которого мы веруем, рождение Которого на земле мы светло празднуем в дни нашего великого праздника Рождества Христова!

Мы не одиноки, среди нас не может быть одиноких людей. Каждый из нас, верующих, хорошо знает, что рядом с нами всегда Тот Всемогущий, Сильный, Любвеобильный, Милосердный, Который обещал быть с нами до скончания века. Он не только рядом с нами; Он, по Его слову, стучит в наши сердца и входит в них, если мы этого достойны. Он всегда готов поддержать, подкрепить нас в несении каждым из нас жизненного Креста.

Мы не одиноки: с нами Та, Которой Он вручил все верующее человечество, сделав Ее нашей Небесной Матерью. Через бесчисленные свои иконы Она проявляет свою материнскую заботу и любовь в отношении всех; кто прибегает под Ее покров и просит Ее заступления в своих бедах и напастях. С нами все духовное небо: святые ангелы и бесчисленный сонм тех Божиих людей, к которым мы обращаемся со своими молитвами и которые взирают на нас в наших храмах в своих священных изображениях.

Мы не одиноки не только потому, что мы находимся в непрерывном общении с Небесной Церковью, но и потому, что все мы, православно-верующие люди, составляем одну великую семью Божиих детей.

Вот ты принес в храм Божий свою скорбь и о ней воздыхаешь перед Господом. Рядом с тобой стоит тот, кто пришел со своей скорбью и бедой и молится также, как и ты. Ты взойшел сюда, в храм Божий, для того, чтобы сложить перед Господом свое греховное бремя. А рядом с тобой плачет в слезах покаяния другая душа. Тебя привела сюда твоя вера; с ней пришел сюда и я, и другой, и третий. И все мы объединены одной верой. Эта общая наша вера, общая молитва и покаяние делают нас близкими по духу друг к другу, родными во Христе. Нередко бывает, что среди родных по плоти нет такой близости духовной и таких уз взаимной любви, какие существуют между братьями и сестрами во Христе.

Разве имели хоть подобие такого счастья ветхозаветные иудеи? Ведь нет!

Мы не бессильны и не беспомощны, как они, в борьбе со своими грехами и страстями. Господь нам подает через Свою Церковь обильную благодатную помощь в таинствах, в священнодействиях, в молитвах и многократных благословениях, какими сопровождается каждое наше богослужение. С этой помощью Божией верующие люди имеют силу преодолевать любые беды и болезни, побеждать греховные страсти и искушения.

Для победоносной борьбы с скорбями и страстями Господь дал нам, по слову св. апостола Павла, великое духовное оружие. Все мы имеем «щит веры» — ту веру в сердце, за которую умирали святые апостолы и мученики, веру, которая «горами движет», которая воодушевляет христиан ничего не страшиться и ничего не жалеть ради приобретения Царства Небесного. Мы имеем «шлем спасения», т. е. надежду на то, что спасительная помощь Божия не покинет нас ни на одну минуту

нашей жизни. В руках у нас «меч духовный» — слово Божие, которое является для нас неисчерпаемым источником утешения и вдохновения.

Как же тепло и радостно жить нам в лучах Божественного Солнца Христа! Какие мы счастливые! На эту любовь к нам нашего Небесного Отца и за этот неоценимый дар счастья ответим, мои дорогие, еще более крепкой и убежденной нашей верой в Родившегося на земле Спасителя мира, еще более горячею любовью к Тому, в Кого наше счастье и наше будущее блаженство. Эта любовь к Сладчайшему Господу пусть выражается у нас в усердии к храму Божию и молитве, в благоговейном внимании к слову Божию и в нашей жажде спасти свою душу для вечности.

Когда мы смотрим своими духовными очами вглубь веков, обращаясь к тем временам, когда еще царила «ночь» на земле, мы видим, какой святостью сияли ветхозаветные праведники, жившие верою только в грядущего Спасителя мира! Воистину, они были огненными столпами среди мрака ночи.

Вот — праведный Ной, сохранивший веру среди всеобщего греховного растления; Авраам — с его всецелым послушанием Богу; Моисей — с его пламенной любовью к своему народу; святые мученики Маккавеи, отдавшие жизнь за Единого Истинного Бога; целый сонм вдохновенных пророков...

Если те века раждали таких носителей чистого и святого духа, сосуды крепчайшей веры, то какими рабами Божиими, исполнителями воли Божией должны быть мы, которым дается прензобильная благодать Божия для жизни во Христе, даны бесчисленные примеры святых для подражания; мы, кто имеет счастье причащаться Святых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовых!

Пусть же бессмертная душа каждого из нас украшается красотой христианской добродетельной жизни. Гордые пусть становятся смиренными, грязные душой и телом пусть спешат очищать себя от этой грязи, жестокие и равнодушные пусть познают красоту милосердия.

Все это будет тем путем, которым нас с вами зовет за Собой в жизнь вечную Сладчайший Спаситель, Незаходимое Солнце нашей жизни.

Митрополит Николай

МЕСТО УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЦЕРКОВНОЙ МЫСЛИ

(Окончание)

IV

При обсуждении вопроса о носителях устной традиции нужно прежде всего указать на то новое религиозно-социальное общество, которое создало христианство и которое является живым носителем традиции. Это — отдельные поместные общины-церкви, долженствовавшие мыслить себя и действовать, как отобраз всей Церкви Божией.

Еще не были созданы формы той организации, которая должна была обнять собою всех христиан на земле, но религиозная мысль о ней была всегда прочна. Убедительное свидетельство об этом дают две прекрасные и трогательные молитвы, которые читаем в памятнике последних десятилетий первого века — «Учение 12 Апостолов».

Первая молитва произносилась во время таинства Евхаристии и гласила: «Как этот преломленный хлеб был рассеян по холмам и, будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое».

Вторая молитва произносилась после вкушения таинства Евхаристии: «Помяни, Господи, Церковь Свою, да охранишь ее от всякого зла и сделаешь ее совершенною в любви Твоей и собери ее от четырех ветров, освященную во Царствие Твое, которое Ты уготовал ей».

Тихое дуновение этих двух священных молитв в памятнике, бесспорно, первого века, рассеивает как дым многие устои отрицательной критики.

Объединенные столь возвышенной идеей Кафолической Церкви, поместные христианские общины выработали из себя организацию исключительной силы и прочности. Это было общество, которое в каждом городе теснейшими узами связывало своих членов-единоверцев, которое собирало их ежедневно, которое изо дня в день наставляло их, воспитывало и руководило.

Что одной из главных и существенных задач общины было назидание, об этом памятники древнехристианской письменности говорят неуклонно на протяжении всех трех веков.

«Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай, но будем увещевать друг друга, и тем более, чем более усматри-

ваете приближение дня онго». Это говорит Ап. Павел в послании к Евреям (X, 25).

«Имей общение с ближним во всем... Всякого, говорящего тебе Слово Господне, люби как зеницу ока: вспоминай о нем днем и ночью». Это читается в послании, усвояемом Ап. Варнаве.

«Чадое мое! Поминай ночью и днем того, кто возвещает тебе Слово Божие и почитай его как Господа, ибо, где возвещается господство, там — Господь. Каждый день ищи лица святых, чтобы насладиться их словами. Не причиняй раскола, но примиряй спорящих».

«Часто сходитесь вместе, исследуя то, что полезно душам вашим». Это говорится в «Учении 12 Апостолов» (гл. IV, XVI).

«Прилепляйтесь к святым, ибо прилепляющиеся к ним освящаются». Это пишет Климент Римский в 1 послании к Коринфянам (гл. X, VI).

«Стой твердо, пишет Игнатий Богоносец св. Поликарпу Смирнскому, собрания пусть бывают чаще. Созывай всех до одного» (гл. IV).

«Мы постоянно друг с другом», пишет св. мученик Иустин Философ, после изображения воскресного богослужения, давая тем понять, что воскресение не единственный день, назначенный для общественной деятельности (1 Апол., 67).

Два окружные послания к девственницам, усвояемые св. Клименту Римскому, в действительности ему не принадлежат, но должны быть отнесены к более позднему времени. Они характеризуют вероучение, церковную практику, нравственное состояние и быт христиан III века в Сирии и Палестине.

Здесь продолжает жить то же живое общение верующих, те же постоянные собрания, то же служение братьям словом, назиданием и взаимное утверждение в вере, о которых свидетельствуют другие раннейшие древне-христианские памятники.

«О братие возлюбленные! Всякий пусть назидает и утверждает братьев в вере, потому что... жатвы много, а делателей мало, таких делателей, которые режут и остро износят слово истины». (Первое послание, гл. 13).

«Созываем братьев и всех сестер святых и дев и всех женщин, находящихся там, со всякою скромностью и благопримством, чтобы пришли для утешения истинного». «И умеющие между ними говорить говорят и увещевают их речами, которые Бог дал им» (Послание второе, гл. 2).

Автор Дидаскалии живет в пределах той же Сирии и в том же третьем столетии, что и автор окружных посланий к девственницам, и он также увещевает к взаимному назиданию.

«Не странствуй и не броди бесплодно, но будь усердным во всякое время в просвещении верующих и единомышленников твоих, размышляя с ними и поучаясь животворными словами».

Эти поместные церкви, рассеянные по всей территории греко-римского мира, были носительницами живого предания, идущего от поколения к поколению.

Хорошо выразил эту мысль Тертуллиан, особенно в его творении «Об отводе против еретиков».

«Что проповедывали Апостолы или что открыл им Иисус Христос, о том нельзя узнать иначе, как через посредство церквей, учрежденных Апостолами, церквей, руководимых и наставляемых ими сперва изустно, а потом и через их писания» (гл. XXI).

«Хотите ли удовлетворить эту любознательность, цель которой спасение? Посетите Апостольские Церкви, где стоят еще поныне на прежнем месте кафедры Апостолов, где слушая чтение подлинных их по-

сланий, вы подумаете, что видите их самих, что слышите их голос. Находясь близ Ахаии, вы увидите Коринф, в Македонии увидите Филиппы и Фессалонику, в Азии найдете Ефес. Приближаясь к границам Италии, вы встретите Рим с его Церковью... Счастлива Церковь, где Апостолы пролили и учение свое и кровь свою, где Петр был распят подобно Господу своему, где Павлу усечена была голова подобно Иоанну Крестителю, где Иоанн Богослов, изыдя из сосуда с кипящим маслом здрав и невредим, осужден был в заточение на остров».

V

Вселенская Церковь и отдельные поместные церкви, являясь живыми хранительницами устной традиции, сохранили память и о тех «блаженных мужах», которые были носителями этой традиции от одной Церкви к другой, от одного поколения к другому.

Это — апостолы, пророки, учителя и евангелисты, названные в посланиях Ап. Павла, в «Пастыре» Ерма и в «Учении 12 Апостолов».

Это — «пресвитеры» Папия Иерапольского, св. Ириней Лионского, Климента Александрийского, Оригена и св. Ипполита Римского.

Это — «преемники св. Апостолов» у Евсевия Кесарийского.

Первохристианская древность знала особые харизматические служения апостолов, пророков, учителей и евангелистов, — в посланиях Ап. Павла и в «Пастыре» Ерма только названные, но подробно охарактеризованные в «Учении 12 Апостолов». Все эти лица назначались для служения «словом». Они были «глаголавшие Слово Божие» (Евр. XIII, 7), т. е. они возвещали христианские истины, как с миссионерской целью, так и с целью назидания той или другой церкви.

Все эти харизматические служения, непосредственно преемствовавшие при различии дарований и назначения, имели одну общую черту. Они не были привязаны к одному месту, к определенной общине, но в большинстве случаев были странствующими проповедниками. Их влияние, их авторитет простирались на многие общины, и в этом заключалось особое значение этих служений.

Два ближайших к нам по времени крупные историка Церкви поставили один и тот же вопрос и дали согласный ответ. Историки эти — русский А. П. Лебедев и германский — А. Гарнак. Вопрос этот: значение перечисленных нами «учащих Слову Божию». Ответ таков: «Во вселенском учительстве раздробленные по огромному пространству христианские общины имели единственную прочную связь и основу союза. Эти апостолы и пророки, переходившие с места на место и везде принимаемые с глубоким почетом, — они только могут нам объяснить, почему развитие общин в различных провинциях, несмотря на местные особенности условий, все-таки в своем процессе обнаруживает известную меру однообразия» «в выработке форм жизни, в религиозной мысли».

Параллельно с харизматическими служениями Древняя Церковь знала другой институт «глаголавших Слово Божие». Это — пресвитеры.

По одному только вопросу о происхождении термина *пресвитер* имеется значительная литература. Его родина — Египет. Здесь он уже давно употреблялся для обозначения носителей коммунальной службы и членов коллегии деревенских магистратов. Отсюда он перешел в перевод 70-ти. Отсюда же он в послептоломеевскую эпоху распространился и по провинциям Малой Азии. Таким образом, христианство сталкивалось с этим термином и в самом Египте, и в переводе 70-ти, и в провинциях Малой Азии.

Здесь, в Малой Азии, возник и отсюда распространился по многим церквям Римской империи институт пресвитеров.

Это — преемники устного апостольского предания, живые звенья непрерывной цепи служения словом от Апостолов и до эпохи Евсевия Кесарийского. Они устно благовествовали Евангелие, именно устно. Св. Ириней Лионский и Климент Александрийский специально подчеркивают, что эти блаженные и апостольские мужи, стоявшие на высоте современной культуры и образованности, передавшие своим ученикам не только живую веру, но и глубокое религиозное ведение, гносис, широкое понимание Господнего домостроительства, методы истолкования книг Св. Писания, плодотворно боровшиеся с еретическим гносисом — ничего не писали.

Здесь нет времени войти в обсуждение причин этого факта, но остается несомненным, что пресвитеры не писали, что они были служителями устной традиции.

Характеристику их дают Папий Иерапольский, св. Ириней Лионский, Климент Александрийский, Ориген, св. Ипполит Римский и Дионисий Александрийский. Особой живостью отличается характеристика пресвитеров у Папия, Ириней и Климента.

Вот прекрасные слова Папия Иерапольского, сохраненные нам Евсевием Кесарийским («Церковная История», III, 39).

«Я не премину включить для тебя в «Истолкования Слов Господних», все, что хорошо узнал от пресвитеров и хорошо запомнил, ручаясь за истину всего. Ибо я искал, вопреки большинству, не тех, кто много говорит, а тех, кто учит истине, помня не чужие слова, а Самим Господом сказанные верующим и от самой Истины идущие. Вот почему, когда встречался я с кем-либо из наученных пресвитерами, то расспрашивал об их словах, например, что говорил Андрей, что Петр, что Филипп, что Фома или Иаков, что Иоанн или Матфей, либо кто другой из учеников Господа, что Аристион и пресвитер Иоанн, ученики Господни. Ибо я полагал, что мне будет полезнее взятое не столько из книг, сколько из живого и неумолкающего голоса».

Трогательные строки посвящает пресвитерам и св. Ириней Лионский. В письме к Флорину он пишет:

«Этого учения не предавали нам бывшие до нас пресвитеры, которые обращались с самими Апостолами. Я был еще отроком, когда я видел тебя в нижней Азии у Поликарпа... По милости Божией ко мне, я и тогда еще внимательно слушал Поликарпа и записывал слова его не на бумаге, но в моем сердце, по милости Божией, всегда сохраняю их в свежей памяти. Могу засвидетельствовать перед Богом, что если бы этот блаженный апостольский пресвитер услышал что-нибудь подобное твоему заблуждению, то воскликнул бы и, заградив свой слух, по привычке своей сказал бы: «Благий Боже, до какого времени сохранил Ты меня, что я должен перенести это».

К пресвитерам же, воспитавшим его, приобщившим его к апостольскому преданию, обращает свой взор и Климент в начале своих «Стромат».

«Это сочинение не является литературным трудом, составленным только напоказ, но оно сохраняет мне воспоминания на старость, лекарство против забывчивости, безыскусственный образ и слабый очерк тех светлых и одушевленных речей, которые я удостоился слышать от мужей блаженных и поистине достойных. Один из них — в Элладе, иониец, другие в Великой Греции (один из них из Келе-Сирии, другой из Египта), иные — на Востоке, и здесь один — из ассирийцев, а другой — в Палестине, еврей по происхождению; встретясь с последним (по силе он был первым), я успокоился в Египте, уловив его скрыв-

шегося. Поискиле сицилийская пчела, он собрал цветы с пророческого и апостольского луга, предлагая душам слушателей некий чистый напиток знаний».

«Те, кто сохраняют это истинное предание блаженного учения, прямо после святых Апостолов Петра, Иакова, Иоанна и Павла — сын, наследуя отцу (но немногие бывают подобны отцам), дошли, с Божией помощью, и до нас, чтобы (нам) передать эти семена прародительские и апостольские».

Евсевий Кесарийский обладал большим научным чутьем историка, поэтому для него было совершенно ясно, что дело утверждения Церкви в пределах всего культурного мира того времени могло быть вынесено на плечах очень многих тружеников, от которых ничего письменного не сохранилось, даже имена которых неизвестны, но которые совершили свое большое дело благовестия и потому заслуживают быть названными «преемниками святых Апостолов».

Понятие «преемники святых Апостолов» является основным в церковной истории Евсевия Кесарийского. Здесь он имеет в виду всех вообще свидетелей, которые укрепляют непрерывную связь Церкви с ее первоисточниками, которые обеспечивают верное сохранение церковного учения Господа и св. Апостолов, которые словом, пером и мученическим подвигом борются за Слово Божие. В этой цепи свидетелей почетное место принадлежит и тем, кто служит Церкви только устным словом.

В самом начале своей церковной истории Евсевий пишет: «Я предпринял описать преемство святых Апостолов и времена, протекавшие от Спасителя нашего и до нас: сколько и каких дел, по сказаниям истории, совершилось в Церкви, какие лица были достойными ее вождями и представителями в местах наиболее знаменуетых, какие проповедывали Слово Божие в каждом поколении, устно и посредством писаний, сколько раз, как и когда именно Слово Божие боролось с язычниками, сколько многие временами подвизались за него, проливая свою кровь и претерпевая истязания».

Церковно-исторические события Евсевий располагает по правлениям римских императоров. Это вполне соответствует его идеальной, вернее, идеально-теократической точке зрения. Он намерен дать повествование о распространении Слова Божия. Но это распространение, это утверждение истины составляет подлинную основу всего хода земной истории, и каждый отрезок земной истории, период правления каждого императора является живым свидетелем, самоочевидным воплощением торжественного шествия победного хода истины. Для каждого такого отрезка времени Евсевий указывает славных мужей, которые стоят в порядке апостольских преемников и устно или письменно опровергают еретиков и язычников, благовествуют Слово Божие и утверждают Церковь Христову. Однако, наперед он сделал нужную, вполне уместную и совершенно справедливую оговорку:

«Перечислить по именам всех ближайших преемников апостольских, бывших пастырями или даже евангелистами в разных церквах вселенной, невозможно; мы упомянем в своей истории поименно только о тех, о которых предание, при помощи письменных памятников апостольского учения, сохранилось доныне» (Церковная история, III, 3).

Однако, в конце своей церковной истории он называет несколько имен тех, которые устно возвещали Евангельское слово и жили в эпоху, близкую к нему.

Таков Евсевий, управляющий Лаодикийской Церковью, уроженец г. Александрии. Когда он, в связи с делом Павла Самосатского, был в Сирию, то «тамашние любители божественного Писания ему,

как некоему возлюбленному сокровищу благочестия, не позволили возвратиться домой».

Таков преемник Евсевия по лаодикийской кафедре Анатолий. Он также был родом из Александрии, достиг огромных знаний в арифметике, геометрии, физике, астрономии, диалектике и риторском искусстве, по своей учености и греческому образованию он, по свидетельству Евсевия Кесарийского, занимал первое место, наряду с известнейшими лицами своего времени.

Таков епископ той же Лаодикийской Церкви Феодот, «муж, самыми делами оправдавший и славное свое имя и епископство. По искусству врачевания телесного он занимал первое место, а во врачевании души — в человеколюбии, искренности, сострадании и попечении о тех, которые требовали его помощи, не имел между людьми себе равного».

Таков был епископ Понтийских церквей Мелетий, которого называли мёдом Аттики. Евсевий Кесарийский пишет о нем: «Он был таков, каким только можно описать человека совершеннейшего во всех отношениях. Нельзя достойным образом надивиться силе его красноречия. Но, может быть, скажут, что это у него от природы: однако же, кто превзойдет его в многоопытности и многознании всякого другого рода. Испытай его только один раз, и ты скажешь, что он по отношению ко всем словесным наукам человек самый искусный и самый ученый».

Таков был пресвитер Антиохийский Дорофей. По сообщению Евсевия Кесарийского, «он чрезвычайно любил заниматься божественными предметами и изучил язык евреев; так что с понятием читал еврейские книги, был знаком со свободными науками и не чужд греческого образования... Мы слышали, как умно объяснял в Церкви Писания» («Церковная История», VIII, 32).

VI

Смысл всех этих свидетельств, которые приведены мною, и тех многочисленных других свидетельств, которые не приведены мною, но могут быть приведены в изобилии, совершенно ясен, убедителен и неопровержим.

От дней земной жизни Господа и до дня, когда над римскими легионами взвился стяг с знамением креста и монограммою имени Иисуса Христа, тянется живая цепь устного предания.

Во дворцах и легионах цезарей, в хижинах бедняков, среди знатных и убогих, среди свободных и рабов, в городах и деревнях, в тюрьмах и рудниках звучал «живой неумолкаемый голос», шла перекличка устной традиции из рода в род, из века в век: «Видели?». «Да, видели». «Слышали?». «Да, слышали».

Какова была побеждающая сила этой устной традиции, какова была ее убедительность, на этот вопрос исчерпывающе ответила история.

В дни гонения Диоклетиана, когда тела христиан раздирали до костей черепками и посыпали затем солью, когда их разрывали на деревьях, сперва соединенных, а потом снова отпущенных, когда их подвергали всем ужасам насилия, в эти страшные дни самого жестокого гонения, Церковь Христова была уже утверждена от тихих берегов Атлантики и до снеговых вершин Армении, от ковыльных степей Скифии и до гранитных порогов Нила и песчаных пустынь Нубии.

Какова была прочность и устойчивость этого устного благовестия о Христе, на этот вопрос также и исчерпывающе ответила история.

В эпоху арианских споров были моменты поистине трагические, были моменты, когда в этой ночной буре уверенно звучал только один голос.

Правда, это был голос Афанасия Великого, непреклонно суровый к врагам и доверчиво ласковый к друзьям, голос борца решающих битв, победного вождя сплоченной вокруг него рати.

Был момент, когда под символом подлинного арианства, под второй сирийской формулой, появились подписи испытанного защитника Православия девяностолетнего старца Осии Кордубского и римского папы Либерия.

Шатались школы. Колебались учейшие мужи, увенчанные не только ученой славой, но и святительским саном. Непоколебимой оставалась простая народная вера. Она была унаследована из глубочайших недр устного предания.

Она была взлелеяна благочестивым чувством, она была освящена церковным культом; она была запечатлена кровью мучеников, и она победила.

Профессор А. И. Сагарда

ПЛАМЕННЫЙ ПРИЗЫВ

Приближаясь к Великому Посту, мы, в часы богослужения, вспоминаем о том, как Господь наш Иисус Христос перед началом Своего земного служения сорок дней провел в пустыне, не вкушая никакой пищи. Восторжествовав над князем тьмы, Христос удалился на север Палестины, в Галилею, где излились впервые из Уст Его мудрейшие глаголы, указующие земнородным путь ко спасению и вечному блаженству.

Кто дерзнет утверждать, что начертанный Спасителем в Его Слове путь недоступен?! Кто посмеет сказать, что Христос восхотел добиться от людей невозможного?! Необозримое в своей философской глубине, христианское учение включает в себе прекраснейший кодекс нравственности. Его краеугольными камнями являются требования, предъявленные нам Победителем смерти: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37—39). Эти великие заветы Начальника жизни нашей неотделимы друг от друга. Возлюбить Бога всем существом своим — это и значит возлюбить любого из подобных себе и неукоснительно творить добро каждому из них. Бог есть Высшая Правда и Высшая Совесть, в полном согласии с Которой человек должен определять свое поведение наедине и на людях.

И вот задолго до наступления поста Святая Церковь начинает призывать нас, верующих, к покаянию и исправлению. Этим занимается она и всегда, ибо забота о пастве составляет основу всей ее многообразной жизни. Проникновенные службы, поучения и повседневные труды духовенства направлены к одной благой цели. Но во дни, предваряющие Св. Четырнадцатницу, и в продолжение самого Великого поста с удвоенной энергией, с особой настойчивостью раздается над нами, как волнующий звон набатного колокола, ее пламенный призыв. Человек, будь лучше! Будь достойным Сотворившего тя и стремись к Нему неустанно — этот лейт-мотив, пронизывающий всю многовековую деятельность нашей достославной Церкви, звучит ныне с особенно потрясающей силой.

...Чинно совершается всенощная. Чередуются песнопения, ектении, возгласы; отверзаются и вновь затворяются Царские Врата; перед святыми иконами горят многочисленные свечи и лампы... После чтения Евангелия церковь наполняется изумительными звуками. «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче», — запевают согласно мужские голоса, — «утреннюю бо дух мой ко храму святому Твоему...» Сосредоточенно внимают предстоящие страстному молению, которое возносит Православная Церковь от имени всех, кто притекает под ее священный кров. Внимают не только великолепным созвучиям, уносящимся ввысь, но и внутреннему своему голосу, ибо редко в чем-либо сознании не закипает

в эти минуты напряженная работа мысли. Тем и замечательно православно-богослужение, что оно возжигает в нас трепетный огонь покаяния и рождает в обновленной душе верующего самые светлые порывы...

Существуют молитвы—песнопения, удивительные по силе воздействия, потому что они преисполнены любовью Церкви Христовой к людям, потому что они пронизаны ее тщанием о нашем спасении. Их вдохновенные слова проникают словно отточенные стрелы в сознание молящегося и, поразив его, поднимают в глубине душевной бурю мыслей и чувств. Их прекрасная музыка пленяет нас мощью и трогательностью одновременно, и это дивное сочетание заставляет трепетно заботиться наши сердца.

«...храм носяй телесный весь осквернен...». Не потому ли с таким волнением в груди воспринимают богомольцы эту необыкновенную по впечатляемости молитву, что в ней изливается глубочайшая скорбь Церкви о нашем несовершенстве. Может ли такая страстная скорбь не найти отклика в человеческом сердце?!

Да, мы еще очень несовершенны. Вместо того, чтобы неуклонно восходить по лестнице добродетелей, как поучают нас Святые Отцы Церкви, мы продолжаем попрежнему грешить против всех заповедей Божиих.

Разве мы любим Господа Бога нашего так, как подобает любить Его—Мудрого и Доброго Отца, печалящегося о каждом заблуждающемся Своем детище? Мы коснеем сердцем порой до того, что забываем прибегнуть к Всеведущему в дни горя и отчаяния и нимало не помышляем возблагодарить Всемогущего в дни радости и веселия. О, как далеки бываем мы часто от Того, Кто есть Совершеннейшая Любовь и «Сокровище благих»!

Столь же далеко отступаем мы от Него и тогда, когда удаляемся друг от друга. Иногда мы противопоставляем Его Божественному призыву к любви такие чувства и поступки, что потом в светлый час искреннего раскаяния стыдимся самих себя. Зависть к ближнему вползает в наше сердце и гложет его подобно червю, точащему спелый плод, злоба ослепляет временами наш чистый разум, сребролюбие и стяжательство нередко ставятся нами во главе всех намерений и деяний, осуждение мутным потоком льется из уст. И неверие в неусыпный Божественный Промысл, окутывает нас, как густой туман в дождливую осеннюю ночь.

Почему мы столь мало внемлем голосу Церкви, умоляющей нас хранить в чистоте боготканную одежду, данную нам Зиждителем мира—бессмертную душу и украшать ее добрыми делами, а не пятнать неправдою и помыслами о суетном, не стоящем и минуты внимания?

«...но, яко щедр, очисти благоутробною Твоею милостию!» Православная Церковь замечательна тем, что никогда не оставляет нас своим материнским попечением. Она сорадуется веселящимся о Господе и горячо молится о помиловании тех, кто презрел Его прекраснейшие наставления. За свою нерадивость и жестокосердие мы заслуживаем от Него тяжчайшего возмездия. Но необъятна и неизреченна милость Божия, ибо Он, по слову псалмопевца, «не до конца прогневается, ниже во век враждует». Пламенный призыв к покаянию, с которым обращается к нам Церковь в этот час, вдохновлен ее непоколебимой уверенностью в том, что Всемилостивый простит и ушедрит всех, припадающих к Нему и боящихся Его. Подобно любящему отцу из евангельской притчи, Он прострет Свои руки навстречу нашему сыновнему раскаянию и возликует в горней Его обители.

Святая Православная Церковь верует также, что мы не одиноки в своем искреннем обращении к Отцу Небесному. За нас, недостойных прощения, предстательствуют Своими теплыми и действенными молит-

вами Пренепорочная Матерь Господа Иисуса Христа и сонм угодников Божиих, просиявших в земле Российской и за ее пределами.

Многократно щадил Всесильный беззакония наши, не единожды воздавал нам за них добром. Но сколько еще осмелимся мы искушать Его долготерпение; испытывать Его безграничную благодать?! Доколе, сбросивши с себя путы одних грехов, будем снова сковывать себя цепями других, еще более тяжких?!

Церковь зовет нас не только к покаянию, но и к совершенствованию. Творец создал человека из персти и вдохнул в него душу не для того, чтобы мы шли стезею греха, а чтобы, преуспевая в добрых делах, уподоблялись по мере сил духовно нашему Создателю. Мы должны переполнить свои дни трудолюбием и добротою, горя в служении Родине и ближним. Только такая целеустремленная жизнь, «в благочестии и чистоте», достойная истинного христианина и преданного сына Отечества, таит в себе сладостное для смертного упование — унаследовать царство, которое Владыка небес и земли уготовал «от создания мира» возлюбившим Его.

Георгий Александров

ВЕЛИКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

«Magnum Crimen. Полвека католицизма в Хорватии» — так озаглавлен громадный (XVI—1124 страницы большого формата) труд профессора Белградского университета Виктора Новака, вышедший в свет в Загребе в минувшем 1948 г. на сербо-хорватском языке. Труд посвящен «известным и неизвестным жертвам клирофашизма» и является третьей и последней частью трилогии, выясняющей роль католического духовенства в истории хорватского народа за последние сто двадцать лет. Первая часть, озаглавленная «Magnum tempus» говорит о роли католического духовенства в движении иллиризма в 1830—1850 гг., вторая — «Magnus sacerdos» говорит об эпохе Штрессмайера, о второй половине прошлого века и, наконец, третья часть описывает роковую роль католического клира за последние десятилетия, особенно начиная с первой великой войны. Эта часть, в виду ее злободневного значения, вышла в свет ранее других.

По справедливой мысли автора, пагубная роль католического духовенства для Хорватии в XX веке является лишь завершением продолжительного исторического процесса. В тридцатых годах прошлого века оно в большинстве сочувствовало идеям иллиризма, защищало народ от германизации и мадьяризации, поддерживало славянскую солидарность и толерантно относилось к другим исповеданиям, хотя и тогда в его среде находились противники широкой славянской идеи.

С половины XIX века начинается совместная агрессия австрийской власти и папства против славянства, и в самой хорватской интеллигенции начинается раздвоение под влиянием антиславянской шовинистической идеологии Старчевича. Во главе славянской идеологии стоит дьяковачский епископ Штрессмайер, но уже большая часть католического духовенства в Хорватии не идет за ним, что вызывает горькие сетования великого хорватского славянина. В письме Рачкому от 22/IX—1876 г. епископ так характеризует свое духовенство: «Я сказал бы, что наше духовное сословие есть самое дикое и самое злобное, не умеющее ценить ни свое, ни чужое достоинство». Мало-по-малу создается хорватский клерикализм, служащий послушным орудием антиславянской политики Ватикана и Вены.

В 1900 г. на первом хорватском католическом конгрессе вырабатывается программа клерикальной деятельности, а с основанием Югославии она проводится в жизнь, сея вражду между ее народностями, искусно используя для ее ослабления и разрушения все слабые стороны югославской государственности, поддерживая антигосударственные организации усташей и крижаров и таким образом подготавливая распад Югославии. А в последние годы, пред Второй Мировой войной, хорватский клерикализм объединился с уклонившимся от своей перво-

начальной славянской идеологии т. н. хорватским народным движением, завязал связи с итальянским и немецким фашизмом и превратился в клирофашизм, приветствовавший произведенное Гитлером раздробление Чехословакии и основание клирофашистской Словакии. Гибельное значение клирофашизма сказалось еще до Второй Мировой войны и выразилось в постоянной борьбе за особые привилегии католической церкви, в частности, в попытке связать Югославию конкордатом, предоставляющим католической церкви необычайно широкие гражданские и имущественные права, в ущерб началу равноправности исповеданий, в стремлении подавить старокатолическое движение, уничтожить славянское глаголическое богослужение и т. д. Но если в монархической Югославии хорватский клирофашизм был вынужден прикрывать свои вождедения маской христианского морального учения, то как только сдерживающее начало югославской государственности было подавлено немецким маньяком, маски были сброшены, и зверская природа хорватского воинствующего клирофашизма сказалась в таких ужасных проявлениях, что они превзошли ужасы средневековой инквизиции. Подробному и документированному описанию этой «кровавой жатвы» и посвящены три последние главы книги. После оккупации Югославии и основания «Независимой Хорватской Державы» клирофашисты, поддерживаемые папой, Гитлером и Муссолини, решили, что пришел их час и стали превращать Хорватию в «Civitas Dei», а на самом деле в царство великого инквизитора, в папскую вотчину, в которой нет места православным. А между тем в Хорватии было несколько православных епархий с 1 889 943 чел. православного населения. И вот клирофашисты, объединившись с антиславянскими организациями усташей и крижаров и руководимые католическими митрополитами, Загребским Степинцем и Сараевским Шаричем, приступили к самому варварскому искоренению православных сербов. Около полумиллиона их было невероятно жестоким образом перебито, до 300 000 было насильями и угрозами обращено в католичество, сотни тысяч были ограблены и изгнаны в Сербию, а оставшиеся должны были носить на руке голубую ленту с буквой П, т. е. православный, или делать на окнах своих жилищ надпись: «Грековосточный» и быть на положении бесправных рабов, которых всякий мог безнаказанно убить или ограбить. С особенною яростью обрушились клирофашисты на православные храмы и православное духовенство. Для разрушения православных храмов было организовано специальное учреждение: «Уред за рушење православних цркава» (стр. 694, прим. 212). Почти все православные храмы были разрушены или сожжены или обращены в католические. Например, на территории униатской Крижевацкой епархии все православные храмы и часовни были обращены в католические (стр. 701). Оставшиеся на территории Хорватии православные епископы и сотни священников были или убиты или изгнаны в Сербию. Основанная хорватской властью 2 апреля 1942 г. раскольничья, т. наз. «Хорватская православная церковь» несколько не облегчила положение православных. Она была основана лишь с целью массового окатоличения православных путем унии, а также и с целью массовой денационализации сербов, так как вступая в «хорватскую» церковь, сербы этим отказывались от сербской национальности. А кроме того кровавые преследования православных попрежнему продолжались и после основания этой церкви (стр. 892, 893 и др.). Из громадной массы фактов, описанных в книге проф. Новака и иллюстрирующих отношение католического духовенства к Православию, приведем лишь несколько.

«До сих пор мы работали в пользу католической веры молитвенником и крестом», поучал свою паству католический священник М. Мо-

гуш, «а теперь пришло время действовать ружьем и револьвером» (стр. 610).

Директор вероисповедного отделения францисканец Юричев заявил: «Я уже очистил в некоторых областях все, начиная от цыпленка до старца, а если будет нужно, то же сделаю и здесь, так как теперь не грех убить и семилетнего ребенка, мешающего нашему усташскому строю» (стр. 627).

Избивая православных, клирофашисты часто надевали феску, чтобы их приняли за мусульман, желая таким способом вызвать вражду между православными и мусульманами (стр. 634—635).

По наущению католического священника Сидония Шольца — православного священника с. Балевицы Георгия Богича в полночь вывели из дома, отрезали ему нос и язык, сожгли бороду, распорол живот и обмотали кишки около шеи (стр. 641).

Иезуит Филиппович в феврале 1942 г. во главе шайки усташей пришел в рудник близ г. Банья-Луки, по паспортам установил, что среди рудокопов было 52 православных и велел их всех перебить, а затем отправился в с. Дракулицы, где жили эти углекопы, и перебил здесь около 1500 человек, т. е. всех жителей. Спаслась лишь одна женщина с пятью детьми, да и та от пережитых ужасов сошла с ума (стр. 646).

Летом 1941 г. в Ливанийском округе францисканец д-р Сречко Перич обратился к хорватам с речью: «Братья хорваты, идите и пережьте всех сербов, а для начала зарежьте мою сестру, вышедшую замуж за серба, а потом и всех сербов по порядку. Когда с этим покончите, приходите ко мне в церковь, я вас поисповедаю, и все грехи вам простятся». В этом округе были перебиты все сербы в количестве 5600 человек (стр. 651). Оригинальный метод окатоличения применил францисканец Иво Бркан в августе 1941 г. Из его прихода было отведено в лагеря около 500 православных сербов и зная, что лагерь для православных обычно являлся лишь этапом для перехода в лучший мир, он потребовал от властей, чтобы ему было секретно сообщено о смерти всех отведенных, так как в таком случае около 500—600 оставшихся женщин будут вынуждены выйти замуж за католиков и таким образом и они сами и их семьи будут окатоличены (стр. 677—678).

Для облегчения массового избиения прибегали к такому приему. Православным предписывалось собраться в известном месте, где будет совершен коллективный чинопоем в католичество, но католический священник не являлся, а приходили усташа и избивали сотни и тысячи собравшихся (стр. 684—685).

В г. Банья-Лука католический епископ Иозо Гарич уверил православного епископа Платона (ранее архимандрита сербского подворья в Москве), что ему ничего не грозит, а между тем сам вошел в тайные сношения с усташами, и еп. Платон поплатился жизнью за свою доверчивость (стр. 687). В селах около Мостара католические священники в своих проповедях внушали народу, что серба убить не грех, так как теперь военное положение (стр. 710).

В Столачком округе, где было перебито около 4000 невинных сербов, убийцами руководили два католических священника Марко Зовко и Томас Илья. Последний в с. Клепец заставил многих православных перейти в католичество, причастил их и затем отправил в школу, где их всех до одного перебили усташа. «Вы ошибаетесь», — говорил он сербам, — «если думаете, что мы переводим вас в католичество для сохранения вашего имущества, пенсии или платы. Не хотим мы спасать и вашу жизнь, а только ваши души» (стр. 712—714).

Нужно заметить, что такова была и обычная практика клирофашистов: перешедшие в католичество православные часто убивались вскоре же после перехода, обеспечивающего им, по воззрению католических «миссионеров», спасение души. Православные крестьяне в с. Бегово Брод, не имея возможности остаться православными и в то же время не желая принять католичество из презрения к гонителю православия католическому священнику Медведю, демонстративно перешли в ислам, но село было сравнено с землей, а все крестьяне перебиты (стр. 761).

Особенно подробно описывает автор ужасы хорватского Дохау — Ясеновца (стр. 781—784). Еще подробнее описывает эти ужасы особая книга д-ра Николе—Николича, вышедшая также в минувшем 1948 г. «Ясеновачки логор».

В Словении в католической церкви на горе св. Урха был устроен страшный застенек, куда с ведома и одобрения местного католического епископа свозились автомобилями противники клирофашизма, подвергались пыткам и если не умирали от них, то убивались или закапывались живыми. Пуля считалась великой милостью. Главным палачем здесь был священник д-р Петр Крижай (стр. 1076—1077).

Вот отрывок из речи б. председателя народной власти в Словении Бориса Кидрича:

...«Я вспомнил, что за последние четыре года высшие церковные пастыри и духовники «во имя Бога и вечных начал» становились на сторону оккупатора и в самый тяжелый момент воткнули нож в спину своему народу... Я вспомнил католических священников, которые в Доленском своей рукой закалывали пленных партизан и кричали: «Во имя Христовых ран да погибнет партизан». Я вспомнил о католических священниках в Хорватии с полными корзинами вырванных человеческих глаз. Я вспомнил католического священника — усташа..., в кармане которого были найдены завернутые в шелковую бумагу голубые глаза восемнадцатилетней девушки, а при них записка со словами: «В подарок Поглавнику» (Павеличу)» (стр. 1079).

Особо важные услуги оккупатору оказывали священники, как самые осведомленные лица, в качестве шпионов, и командиры оккупаторских отрядов с восторгом говорят о громадной помощи, которую оказывали им шпионы-священники при преследовании защитников народной свободы (стр. 1074—1075). От священников не отставали католические монахини и сестры. Они служили шпионками для усташей и оккупатора, участвовали в избиении партизан (стр. 824), а заведывая лагерями сербских детей, бесчеловечно их мучили и морили голодом. Например, 26 августа 1942 г. было доказано, что в детском лагере в Ястребарском в течение одного лишь месяца из 400 детей умерло 100 (стр. 825). Ребенок Божья Шарич был убит за то, что хотел бежать из этого лагеря смерти. Два малыша были выведены католической сестрой за лагерь и убиты «за непослушание». Митрополит Степинац, имевший 110 дойных коров, запретил давать молоко сербским детям в загребском приюте Caritas (826).

Не ограничивая свою противославянскую деятельность Хорватией, католическое духовенство в церквях агитировало за вступление в корпус легионеров, который должен был пойти на русский фронт, за вступление в добровольцы немецких 55 дивизий, убивавших и в Хорватии и на русском фронте славянских братьев. Накануне освобождения пришлось констатировать печальный факт, что самыми омерзительными убийцами, поджигателями и грабителями как на русском фронте, так и в Хорватии были ученики католических монахов в Боснии и Гер-

цеговине, а самые жестокие палачи в лагерях Ясеновца и Старой Градишки получили образование в тех же монастырях (стр. 638).

Преступная деятельность католического духовенства вызывала протесты, хотя и слишком редкие и слабые, со стороны лучших представителей католического клира. «Насильники издали распоряжения», писал, например, 18 августа 1941 г. Мостарский епископ Алоизий Мишич, «и пока новообращенные еще в храме у литургии, их хватают, мужскую и женскую молодежь гонят как рабов и массами отправляют на тот свет». Он же 7.XI.1941 г. так описывает положение своей епархии: «Наконец дошло до массового изгнания в Сербию. Вопли, плач, слезы, бросаются во все стороны, даже к Муссолини и в Рим отправилась депутация. Последствием этого была новая оккупация Герцеговины итальянцами» (стр. 637).

И в самом Риме представителю «Независимой Хорватии» Рушиновичу пришлось выслушать 6.III.1942 г. от кардинала Тиссерана неприятные речи. «Отец Симич сам вел вооруженную толпу, которая разрушала православные храмы. Знаю наверное, что также позорно вели себя францисканцы в Боснии и Герцеговине. Немцы признали Хорватскую Православную Церковь, когда вместе с нами перебили всех православных священников и когда не стало 350.000 сербов» (стр. 890).

Проживающие в Сербии старейшины словенцев обратились 1 марта 1942 г. через белградского католического епископа Уйчица в Ватикан с просьбой принять меры против насильственного окатоличения православных в Хорватии, как унижающего престиж и достоинство католической церкви (стр. 784—787).

Даже хорватские мусульмане, не боясь репрессий, обратились 12 ноября 1941 г. с горячим протестом против преследования православных к главе «Независимой Хорватии» Павеличу. «Убийство священников и видных православных, расстрел и мучения массами часто совсем невинных людей, женщин и детей, выбрасывание массами из домов и постелей целых семей со сроком от одного до двух часов для сборов и их вывоз в неизвестные края, грабеж их имущества, принуждение принять католичество — все это такие факты, которые приводят в ужас всякого настоящего человека и которые на нас, мусульман, производят отвратительное впечатление» (стр. 634).

Так мусульмане учили христианскому отношению к другим христианам!

Все эти протесты остались «гласом вопиющего в пустыни», так как те, которые могли одним словом прекратить неистовства своих подчиненных — папа и Степинац — не сказали этого слова. При бесподобной организации католической агентуры папа, конечно, великолепно знал все, что делается в Хорватии, а железная дисциплина, существующая в католической иерархии, давала ему полную возможность заставить хорватский клир изменить свой позорный образ действий. Но Пий XII приветствовавший в своей речи 29 июня 1941 г. нападение Гитлера на СССР (стр. 1014) и видевший в искоренении Православия в Хорватии один из этапов на пути покорения православного Востока, не захотел этого сделать, а наоборот своими заявлениями представителям Хорватии не раз одобрял деятельность усташей и крижаров (стр. 893, 895, 896, 899 и др.), тогда как Степинац иногда очень редко в своих заявлениях, умывая, подобно Пилату, руки, говорил, что он неповинен в крови православных, а на деле постоянно оказывал гонителям Православия всестороннюю и деятельную поддержку, когда же он увидел, что поражение Гитлера и Муссолини неминуемо, он предусмотрительно перестраховался, начав сношения через кардинала Стелльмана с Америкой (стр. 825, 894 и др.).

Необычайная жестокость, проявленная католическим клиром в Хорватии при гонениях Православия, невольно вызывает недоумение: чем же объясняется такое кошмарное, чудовищное извращение христианства в организации, носящей христианское имя и претендующей быть истинной его выразительницей? Автор не решает этого важного вопроса, хотя и высказывает мысль, что в «Независимой Хорватии» католичество получило возможность, сбросив все невольно надеваемые маски, беспрепятственно в чистом виде проявить свою истинную сущность. В чем же заключается эта сущность, каков тот яд, который превратил в Хорватии Церковь Христову в какое-то отделение Дантова ада на земле, автор не говорит и даже сознательно обходит этот вопрос. «В книге,— пишет он в предисловии,— напрасно было бы искать хотя следов рассуждения о догматических вопросах какой-либо церкви. В ней нет ничего, что было бы против какой-либо веры, в том числе и против римо-католической» (стр. 14).

Но если автор не хочет поставить точку над *i*. то у читателя его книги невольно является потребность это сделать. Ведь то, что произошло в «Независимой Хорватии», не является каким-либо случайным эпизодом или исключением в истории католичества. Везде и всегда служители католической церкви, лишь только освобождались от сдерживающего государственного начала и, наоборот, получали в свое распоряжение силу государственной власти, проявляли то же бесчеловечие, ту же жестокость, что и в Хорватии. Об этом свидетельствуют пытки и костры «святой» инквизиции, об этом говорят религиозные войны и крестовые походы, говорят преследования православных в католической Польше, в Словении, в Словакии, и не только в XV—XVII веках, но и в XX веке, и т. д. и т. д. А если так, то, значит, последняя и истинная причина того «великого преступления», о котором говорится в книге, заключается вовсе не в каких-либо временных и местных условиях, в которых протекала история католической церкви, и не в личных недостатках ее отдельных представителей, а в самом ее учении, заключается в папизме. Папизм прибавил религиозный коэффициент бесконечности к усвоенному им политическому властолюбию древнего Рима, и во имя его, не останавливаясь ни перед чем, попирает, где только может, все, мешающее его планам, и с особенною яростью обрушивается на Православную Церковь, являющуюся постоянным обличением его неправды.

* *
*

Хорошим дополнением к книге проф. Новака может служить следующая выдержка из статьи белградской газеты «Борьба» от 29 августа по поводу процесса 55 политических преступников, рисующая деятельность клирофашистов после освобождения и отношение к ней Ватикана.

«Не случайно, что империалисты взяли себе на службу этих зверей, когда с их рук еще текла кровь их невинных жертв. Еще менее случайно, что их на новую службу рекомендовал Ватикан, не забывший о своих учениках. Еще до войны католический клир подготовлял эти злодеяния через свои организации «Католическое Братство», «Орел», «Хорватский Юнак» (герой) в своей дикой ненависти ко всему прогрессивному. Попы-фашисты под прикрытием итальянского и немецкого щита совали в руки своих питомцев нож и молот, благословляли их и подстрекали на новые злодеяния. «Убивайте не переставая, я беру на себя все ваши грехи», — так говорил католический монах-палач из Ясеновца, таково было напутствие руководителей исполнителям.

Не оставил Ватикан этих своих агентов и в дни поражения их и бегства от народного гнева. Он скрыл детоубийц в многочисленных австрийских и итальянских монастырях, он поместил их в коллегииуме св. Иеронима, он обеспечил им пропитание в папской столовой и открыл папскую казну. Но и на этом он не остановился. Он использовал свой авторитет, чтобы найти усташам новых хозяев. Священники — военные преступники получили предписание связать бежавших усташей с иностранными агентами. Священник Крунислав Драганович, подполковник усташей, виновный в смерти 60.000 человек в Козаре, вдруг в эмиграции превратился в ученого профессора Германского коллегнума. С таким титулом и под «высочайшей» защитой папы он сделался организатором баз террористов и одним из главных агентов империалистической разведки. Нужно ли еще упоминать о других поках-агентах, каковы Врдоляк и Голик или поп Викентий Ошина, о котором Любо Милош сказал, что он был прежде всего головорез, затем усташ и, наконец, священник, или францисканец Доминик Мандич, давший усташам из главного казначейства францисканцев только в одном случае 4 миллиона лир, или Маджерац, ректор коллегнума св. Иеронима, главного прибежища злодеев, или оруженосец Мачека поп Юренич или военный преступник архиепископ Шарич и его секретарь Зец, поддерживающие связь среди усташей в Австрии и Италии и многих других из этой гарнитуры усташских попов-шпионов. Эти эмиссары Ватикана приютили усташей, скрывали их, освобождали их из лагерей, снабжали их документами и деньгами и устраивали их в террористических базах, готовя для новых злодейств. Сам папа принимает делегацию головорезов, говорит им речь, ободряет их, подстрекает и не колеблясь заявляет: «Павелич — хороший католик и хороший человек». И до настоящего времени Ватикан остался неизменным защитником усташей, каковым он был и до войны и во время войны. Святейший Престол не успокоился до тех пор, пока не увидел своих подзащитных на границах новой Югославии, снабженных радио-станциями, шифрами и экразитом...»

Проф. С. Троицкий

ДОМОЙ!

(Призыв к оставшимся за рубежом)

На человеческом языке нет слов, чтобы выразить горькие чувства изгнанника, прожившего 28 лет на чужбине, вдали от Родины. Но еще труднее рассказать о безмерной радости возвращения. А как хотелось бы рассказать о ней тем, кто из русских людей продолжает оставаться на чужой стороне. Во Франции остается еще много советских граждан, жаждущих скорее вернуться на Родину. К ним мое слово о радости возвращения в дом отчий.

Вот мы на вокзале Сен-Лазар, в Париже. Около нашего вагона собралась большая толпа провожающих. Мы видим здесь священников, прихожан, друзей и недругов. Все они, как бы хотят приобщиться к ожидающей нас радости.

«Ты что?» — улыбаясь, спрашивал я одну из прихожанок, которая с невыразимой нежностью целует и гладит мою руку.

«Батюшка, ведь эти пальцы через две недели в Москве будут! Господи, хоть бы коснуться родной земли!» — восклицает она. «Счастливицы! — слышатся голоса провожающих.

В глазах одного из недругов я читаю: «Радуетесь, а что скажете, когда приедете? Ведь вас если не расстреляют, то сошлют». Но большинство горит любовью к Родине и уверены, что нас ожидают большие радости.

Поезд трогается. Мелькают милые лица, протянутые руки, слышатся взволнованные голоса: «Поклонитесь родной земле!»

В порту Гавра мы садимся на русский пароход «Ялта». Нас тепло встречает команда матросов, помогает погрузиться. Кто-то поддерживает меня под руку, ласково говорит мне: «Обопритесь на меня, папаша!».

Радостно бьется сердце, видя эти милые лица советских матросов. За месяц путешествия мы побывали в Ливерпуле, Сванси, английских портах, где состоялись встречи с корреспондентами «Дэйли-Мейл».

В Ливерпуле на борту «Ялта» мы отпраздновали День комсомола, а в английском порту Сванси — день 31-й годовщины Октября.

Через месяц мы благополучно прибыли в Клайпеду, где, простившись с командой корабля, вступили на родную землю.

И вот мы в Москве... Неузнаваемо прекрасна наша столица! После парижской грязи нас восхищает поистине великолепная чистота московских улиц и площадей, бесчисленные дома-гиганты.

Нас ослепляет сверкающее изобилие продуктов и разных товаров в московских магазинах. А метро! — Нет слов выразить дворцовое великолепие и величие вестибюлей метро и подземных зал. На улицах

Москвы множество народа, делового, энергичного, жизнерадостного. Глядя на такой народ, невольно молодеешь, подтягиваешься, стремишься идти в ногу с ним.

Церкви в Москве — это переполненные Божии чаши веры и любви Христовой. Трудно описать торжество богослужений в храмах, переполненных народом. Отрадно видеть строгий, стройный иерархический порядок, высокую духовную дисциплину и единение верующих, возглавляемых мудрейшим кормчим церковного корабля — Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием.

Я обращаюсь ко всем оставшимся во Франции прихожанам, друзьям и даже недругам: вот я на Родине — живой, счастливый, радостный, согретый любовью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Я назначен на службу в древний и богомольный град Кострому.

Призываю и вас верить нашей Родине и ее подлинно народному Правительству! Не теряйте времени, приобщайтесь к титанической работе советского народа, смело вверяя ему свою судьбу!

Протоиерей Константин Замбжицкий

Из жизни наших епархий

Из Иркутской епархии

ПОСЕЩЕНИЕ АРХИЕПИСКОПОМ ЮВЕНАЛИЕМ СВОЕЙ ПАСТВЫ

С 23 ноября по 2 декабря 1948 г. Высокопреосвященный Ювеналий, архиепископ Иркутский и Читинский совершал свою очередную поездку по самым отдаленным церквам 2-го Западного благочиннического округа Иркутской епархии. Отдаленные от епархиального центра приходы, естественно, встречали архиепископа Ювеналия с большим подъемом: подносили хлеб-соль, произносили приветственные речи.

Во всех церквах при большом стечении народа Владыка совершал, в сослужении сопровождавшего его духовенства и оо. настоятелей местных церквей, всенощные бдения и Божественные Литургии с молебнами и возглашением многолетий. За каждым богослужением архиепископ Ювеналий говорил народу о значении христианского храма в деле нашего спасения, о силе благодатных таинств, призывал к посещению храма для приобщения благодати и к послушанию уставам Святой Церкви, увещевал уклоняться от сектантов и жить под покровом Божией Матери и заступничеством таких святителей, как св. Иоанн Златоуст и покровители «страны Сибирския» Иннокентий и Софроний Иркутские чудотворцы. Говорил Владыка и о необходимости честного, добросовестного исполнения верующими своих семейных, общественных и гражданских обязанностей на благо и процветание нашего дорогого отечества.

Трогательно было видеть, как молящиеся со слезами на глазах внимали поучениям своего Архипастыря, боясь проронить хоть одно слово. Надо было слышать, с каким особым воодушевлением народ пел в церкви за Литургией Символ веры и молитву Господню «Отче наш». По окончании богослужения Владыка преподавал свое святительское благословение каждому в отдельности. Но когда он уезжал, то народ долго еще не покидал храма, словно боясь растерять за его стенами полученную им духовную радость, и, когда, наконец, разошелся, то унес с собою глубокое внутреннее удовлетворение.

Посетив в течение 8 дней четыре церкви, архиепископ Ювеналий благополучно возвратился в епархиальный город Иркутск.

Благочинный священник Михаил Мещеряков

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ 7 ДЕКАБРЯ 1948 ГОДА.

Это день встречи вновь назначенного на Горьковскую кафедру Высокопреосвященного Корнилия, архиепископа Виленского.

Осеннее утро. Мрак еще окутывает землю. Окончилась Божественная (ранняя) Литургия в Троицком храме пос. Высокова. Часовая стрелка показывает цифру девять, а храм уже полон православно-верующих, собравшихся достойным образом встретить своего архипастыря. В церковной ограде тоже толпы людей. Красный колокольный звон повестил, что архипастырь на Горьковской земле. Еще секунды, и он будет в храме. Водворилась необычайная тишина. Присутствующие насторожились. У входа в храм духовенство во главе с о. настоятелем, протоиереем Бандулевым, держащим на блюде животворящий Крест Господень. Грянул хор певчих: «От восток солнца до запад...» Святитель показался в дверях храма вместе с сопровождавшими его с вокзала Преосвященным Лысковским Иовом, о. благочинным, протоиереем Морозовым и членом Епархиального Совета протоиереем Ветошкиным. Церковный староста поднес Архиепископу хлеб-соль.

О. настоятель приветствовал Архиепископа краткою речью.

Высокопреосвященный, приложившись к кресту, проследовал в алтарь. Началось краткое молебствие. Архипастырь молился перед Престолом Царя Небесного. Ни тени усталости после дороги из Москвы. Молебствие заканчивается многолетием Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, архиепископу Горьковскому и Арзамасскому Корнилию, стране нашей и Верховному Вождю, воинству и всем православным христианам. Ектению и многолетие провозглашал приехавший с архиепископом протоиерей Щербак.

Вот архипастырь на амвоне. Полились кроткие, но вместе с тем сильно впечатлительные слова Владыки Корнилия к новой, Богом врученной, пастве. Указав на свое раннее вдовство, затем принятие монашества от руки архиепископа Тихона и епископский сан в 1915 году, Владыка говорил: «Во всех этих обстоятельствах жизни я воистину видел Провидение Божие над собой. Вот и в назначении меня на Горьковскую кафедру я вижу водительство Бога — в Виленской епархии мне, как архипастырю приходилось неустанно проповедывать об уклонении от Православия римо-католиков, а в Горьковской епархии много старообрядцев различных толков и сектантов, следовательно, и здесь придется всегда быть на страже, оберегать свое стадо от непризванных учителей...» В конце своей, миссионерского характера, речи Владыка всех присутствующих в храме призвал к любви к Богу и к Родине, храмам святым и пастырям церкви, как служителям алтаря Господня. Присутствующие с особенным вниманием выслушали речь своего архипастыря. Твердая осанка, хотя и преклонного летами, бодрый, благоговейный вид и живое слово архипастыря благотворно действовали на православно-верующих и оставили неизгладимое впечатление в их сердцах.

Немалое время Владыка Корнилий благословлял молящихся, которые с великой благодарностью к своему Святителю с миром выходили из храма.

Протоиерей В. Цыганов

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ СЛУЖЕНИЯ В СВЯЩЕННОМ САНЕ ПРЕОСВЯЩЕННОГО КИРИЛЛА, ЕПИСКОПА ПЕНЗЕНСКОГО И САРАНСКОГО

21 октября 1948 г. в переполненном молящимися Успенском кафедральном соборе г. Пензы было совершено торжественное богослужение по случаю исполнившегося 50-летнего юбилея служения в священном сане Преосвященного Кирилла, епископа Пензенского и Саранского.

Литургию и всенощную накануне совершал юбиляр-Владыка в сослужении многочисленного духовенства епархии.

Настоятель собора прот. о. М. Лебедев и благочинный Мордовской АССР прот. о. П. Любимцев произнесли речи, в которых отметили, что вся деятельность юбиляра отличается лучшими чертами истинного пастырства: кротостью, смирением и воздержанием. Прот. о. М. Лебедев ознакомил молящихся и с биографией юбиляра.

Преосвященный Кирилл (в мире Л. Н. Поспелов) родился 20 марта 1876 г. в семье бедного псаломщика. В четырехлетнем возрасте он лишился отца. С помощью добрых людей получил начальное образование, а затем окончил Пензенское духовное училище и Семинарию. По окончании Семинарии был назначен 1/X—1898 г. диаконом собора в г. Баку, а в 1906 г. — священником собора. В январе 1914 г., по его прошению, был перемещен на должность законоучителя Саратовской 1-й женской гимназии. В 1916 г. был назначен благочинным церковью г. Саратова, где проработал более 20 лет, получив за свою церковно-общественную деятельность все церковные награды до митры включительно.

Особенную любовь к людям он проявил в 1921 г. во время голода в Поволжье. О. протоиерей Поспелов выступал в Саратове с воззванием о помощи голодающим, организовал сбор для них денег и вещей. Саратовская комиссия направила его с особым письмом в Москву к т. М. И. Калинину, который направил его с особым мандатом в урожайные местности Украины и Белоруссии. На Украине о. Л. Н. Поспелов с большим успехом выступал с воззваниями о помощи голодающим в православных храмах, в костелах, мечетях, в синагогах, в театрах, в кино, на фабриках и заводах. Через некоторое время он вернулся в Саратов, сопровождая эшалан с хлебом.

В 1943 г. о. прот. Л. Поспелов переехал в г. Актюбинск, где организовал религиозно-патриотические молебны о помощи нашим войскам в борьбе с немцами.

В 1944 г. был вызван покойным Патриархом Сергием в Москву и возведен в сан епископа Пензенского и Саранского, получив при монашеском постриге имя Кирилла.

С 20 июня 1946 г. по февраль 1947 г. занимал кафедру епископа Ивановского и Шуйского, после чего, по его прошению, снова был перемещен на кафедру епископа Пензенского и Саранского, где и пребывает до настоящего времени.

Осуществляя заветы Христа в своем архипастырском служении, Преосвященный Кирилл пользуется заслуженной любовью всех, кто с ним служит и кто его знает. Ценные подношения и многочисленные поздравительные телеграммы подтвердили искреннюю любовь к нему паствы и всех знающих его.